

A hand holding a bloody knife dripping red liquid onto a string of origami cranes. The background is a soft-focus arrangement of yellow, green, and blue paper cranes.

АНДРЕЙ
БОНДАРЕНКО

РЕМАРКИ
ОБЪЕДИНИЛИ

Андрей Бондаренко
Ремарк и оригами
Серия «Инспектор по
«маньячным» делам», книга 1

Текст предоставлен автором.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6527970

Аннотация

Существует расхожее мнение, что раскрывать преступления, совершённые маньяками, не так, уж, и сложно, ибо разгадка, как правило, всегда лежит на поверхности.

В этом утверждении, безусловно, есть здоровое зерно.

Но что делать, если таких «поверхностей» много? Как не запутаться в них? Как определить ту – единственно-верную и нужную?

А ещё на этом Свете, говорят, существует Любовь. Впрочем, не стоит о ней много говорить. Любовь, она или есть. Или же её нет...

Содержание

От Автора	4
Пролог	5
Глава первая	11
Глава вторая	31
Глава третья	53
Глава четвёртая	73
Глава пятая	91
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Андрей Бондаренко

Ремарк и оригами

От Автора

Существует расхожее мнение, что раскрывать преступления, совершённые маньяками, не так, уж, и сложно. Мол, надо только внимательно вникнуть в суть произошедшего и учесть все ключевые нюансы, ибо разгадка, как правило, всегда лежит на поверхности.

В этом утверждении, безусловно, есть здоровое зерно.

Но что делать, если таких «поверхностей» много? Как не запутаться в них? Как определить ту – единственно-верную и нужную? Непростое это дело, дамы и господа. Ей-ей, непростое...

А ещё на этом Свете, говорят, существует Любовь. Впрочем, не стоит о ней много говорить. Любовь, она или есть. Или же её нет...

Автор

Пролог

Мир закончился, как закончилось и Прошлое. Будущего нет, его придумали злые и насмешливые люди, именующие себя – «писателями». Или же – «сказочниками»...

Настоящее? Не смешите, пожалуйста. Сплошная и бесконечная серость. Серая такая, муторная и вязкая. С гадким привкусом ежедневных горьких пилюль и таблеток...

Оригами. Да, только они – такие милые и симпатичные – слегка скрашивают жизнь. Вернее, тупое и однообразное существование. То есть, привносят в него некий, пусть и минимальный смысл. А ещё – сугубо изредка – дарят надежду.

Надежду – на что? Трудно сказать. Наверное, на свободу. А ещё и на справедливость, которая, возможно, где-то и существует. Может быть...

Оригами, они разные: простые, составные, модульные, клеенные, большие, средние и маленькие.

Большие оригами выстроились на письменном столе: пухлый бегемот, гривастая лошадка, задумчивый кот, голенастый петух и приземистая собака. Они все очень солидные и важные. А ещё коварные, хитрые и злые. Не стоит им безоговорочно доверять. Обманут, запутают и затопчут. Навсегда...

Бумажный журавлик летит по комнате: светло-сиреневый, составной, с красивым кружевным хвостом.

Уверенно так летит, словно бы радуясь самому факту своего существования на этом Свете. А потом, будто наткнувшись на твёрдую невидимую преграду, он резко останавливается и пикирует вниз. Вернее, на письменный стол.

Пикирует и встречается там с собакой-оригами. Отскакивает от собаки и ударяется об упитанный бок бегемота.... Твёрдые копыта лошади. Острые когти кота. Безжалостный клюв петуха...

Беззащитный журавлик падает со стола на пол. Кружевной хвост,ломавшись, отлетает в сторону. Всё, спектакль сыгран. Игра закончена. Занавес. Просто бумажные клочки, которым – совсем скоро – предстоит знакомство с мусорным ведром. Вечный печальный конец всего светлого, доброго и радостного. Наша всеобщая Судьба – фатальная и глупая...

Конец? А если.... Если сложить-сделать большого журавлика? Большого-пребольшого? Полноценного журавля? Из плотной-плотной бумаги? Сделать и запустить?

Он полетит, полетит...

А потом упадёт на письменный стол и разметает – в разные стороны – всех этих подлых бегемотов-лошадей-котов-петухов-собак...

Может, тогда и справедливость восстановится? И жизнь вернётся? И Будущее появится?

Надо обязательно попробовать. Только – для начала – следует обрести свободу. Потому что без неё – никак...

Миттельшпиль, середина Игры

Завязался оживлённый разговор (вернее, диалог), насквозь культурной направленности. Мелькали громкие имена-фамилии, заумные термины и вычурные названия различных музейных учреждений: – «Антонио Виварини, Мантеньи, Тициан, Лото, Лоренцетти, классицизм, супрематизм, виженари арт, замок Сфорцеско, галерея Брера, Нумизматический музей...».

Минут через шесть-семь Роберт, решив-таки вмешаться в ситуацию, заявил:

– Извините, но вынужден попросить вас, уважаемые знатоки итальянской живописи, перенести эту интересную и познавательную беседу на другое время. Так как мы прибыли сюда совсем по иным – важным и серьёзным – делам-вопросам.

– На другое, так на другое, – покладисто согласилась Танго, после чего грациозно поднялась с дивана, достала из ярко-алой дамской сумочки белый картонный прямоугольник, протянула его главврачу клиники и пояснила: – Это, Сильвио, моя визитка с телефонами. На всякий случай.... Кстати, позвольте и вашу. Ага, спасибо большое, созвонимся, встретимся и поболтаем уже всласть, без спешки и ограничений.... Старший инспектор, позвольте, всё же, завершить тему о живописи? Буквально пару-тройку слов, не больше?

А? Благодарю.... Вот, эта картина на стене, с правой стороны от письменного стола, на которой изображён высокий представительный мужчина в нарядном средневековом камзоле и с элегантным арбалетом в руках.... Это же, Сильвио, вы?

– Я, конечно же. Дружеская шутливая стилизация, так сказать.

– Шутливая? Понятно.... А, простите, арбалет?

– Что – арбалет?

– Он-то, надеюсь, настоящий? Очень красивая, изящная и симпатичная штукавина. Наверное, авторская работа? Хотелось бы, честное слово, взглянуть на него. Питаю, знаете ли, страсть к средневековому оружию.

«Ай, да Танго!», – мысленно восхитился Роберт. – «До чего же наблюдательна и глазаста. А я ничего такого и не заметил, мол, картина, как картина...».

– Извините, милая собеседница, но только ничего не получится.

– Почему?

– Украли у меня этот по-настоящему ценный и коллекционный арбалет. Месяца три с половиной тому назад. Залезли через балкон в квартиру и украли. Причём, только его, больше ничего не взяли.

– В полицию о краже заявили? – подозрительно прищурившись, решила проявить настойчивость Танго. – Куда конкретно?

– В полицейскую службу округа «Сити оф Сидней», по

месту жительства. Можете проверить.

– И как успехи, если не секрет? Продвигается следствие?

– Никак не продвигается. Чего, впрочем, и следовало ожидать, – печально вздохнул Висконти, а после этого насторожился: – Что-то случилось? Вы же... э-э-э, мадам, не просто так спрашиваете?

– Не просто, – Танго вопросительно взглянула на Роберта и, получив молчаливое одобрение, невозмутимо пояснила: – Позапрошлой ночью, уже ближе к рассвету, предположительно из этого арбалета была убита немецкая овчарка.

– Собака? Значит, был совершён акт хулиганства? То есть, бытового вандализма?

– Если бы – хулиганства и вандализма. Не расслабляйтесь, Сильвио, раньше времени.... Итак, рассказываю. Неизвестный злодей из арбалета – прямо через оконное стекло – всадил несчастной собаке стрелу в грудь. А потом, дождавшись, когда раненая овчарка умрёт, залез в дом, поднялся на второй этаж и, долго не раздумывая, перерезал господину Поспишилу горло...

– Майклу? – на лице главврача отразилось бесконечное удивление, граничащее со страхом.

– Ему самому. Причём, от уха до уха.... Вы, Сильвио, знаете, что такое – «колумбийский галстук»?

– Конечно, знаю.... Вы, что же, хотите сказать, что...

– Да. Да. Да, – в голосе Танго зазвучали откровенно-инквизиторские нотки. – Именно это я и хочу сказать. Труп

Майкла Поспишила был «украшен» колумбийским галстуком. То есть, его язык – через разрез на горле – вытащили наружу...

Глава первая

Смерть Толстяка

Догорал роскошный летний вечер – январский, так как дело происходило в Австралии. Точнее, в Сиднее – самом крупном городе этой благословенной страны.

С запада – через неплотно задёрнутые шторы – пробивались тёмно-малиновые солнечные лучи. Форточки во всех комнатах были приоткрыты и, благодаря этому, по квартире гулял лёгкий игривый сквозняк. Пахло морской свежестью, йодом, безграничной свободой и ещё чем-то – неуловимым и страшно-романтичным. Самые обычные ароматы – для крупного морского порта...

Роберт, погуляв с собакой, сменил уличные туфли на домашние тапочки, переоделся, поужинал, расположился на плюшевом диване и, взяв с журнального столика пульт управления, включил телевизор. Лениво «пробежавшись» по двум десяткам телевизионных каналов и сладко зевнув, он констатировал:

– Совершенно ничего интересного. Полная ерунда и бред сивой кобылы в лунную ночь, перемешанные с навязчивой рекламой... Чем заняться? Спать завалиться? Или же прогуляться немного? Например, заглянуть в ближайший бар, да и убить там час-другой? Как считаешь, Рой?

– Гав, – добродушно откликнулся чёрно-подпалый английский той-терьер¹, облюбовавший старенькое кресло-качалку.

– Считаешь, что спать? Мол, завтра на девять тридцать утра назначено совещание в Прокуратуре, посвящённое предстоящей международной конференции, и надо бы прибыть туда в приличном виде? По крайней мере, без алкогольного перегара изо рта? Что да, то да. Согласен. Перегар – это плохо.... Да и не нравится мне теперь посещать здешние бары и кафе без Инэс. Непривычно как-то. И ром уже не ром. Не такой ароматный, я имею в виду...

– Гав?

– Когда наша черноволосая болтушка вернётся из гастролей по городам и весям Новой Зеландии? Завтра. Самолёт приземлится примерно в полдень. Сперва она поедет в свой театр, чтобы отчитаться по итогам и казённые костюмы сдать в костюмерную. Потом, наверняка, встретится с подружками, по которым ужасно соскучилась за две с половиной недели. Ну, а к вечеру, как я полагаю, и до дома доберётся.... Всё, поговорили. Сейчас приму душ и отправлюсь спать.

Неожиданно запиликал домофон.

– Гав?

– Пока не знаю, – Роберт, покинув плюшевый диван, прошёл в прихожую, нажал указательным пальцем на белую кнопку, вмонтированную в серую пластиковую панель, и по-

¹ Английский той-терьер – порода собак, мелкий гладкошёрстный терьер.

интересовался: – Кого там черти принесли?

– Это я, сеньор. Санти, консьерж, – зачастил – через наклонные прорези в панели – молодой смущённый голос с ярко выраженным испанским акцентом. – Извините, сеньор Ремарк, что побеспокоил. Виноват. Вы же с работы. Наверное, устали. Но...

– Говори, Санти, толком. Что случилось?

– Убийство, сеньор.

– Где – убийство?

– В нашем доме. Там такое, такое. Говорят, что всё кровью залито. Всё-всё-всё...

– Отставить, – разозлился Роберт. – Помолчи-ка, морда мексиканская, секунд пять-семь.... А теперь докладывай – что, как, почему и зачем.

– Э-э-э.... Я не знаю, честное слово, зачем и почему. Извините, сеньор...

– Отставить. На каком этаже убили? И, собственно, кого? Отвечай чётко и по делу.

– На седьмом. Толстого сеньора, э-э-э, Смит.... Смит...

– Смит-Осборна?

– Ага, его самого, – облегчённо вздохнул консьерж. – Такой милый и вежливый толстячок. Некоторые жильцы нашего дома так его и величали за глаза – «мистер Толстяк».... А ещё, говорят, что и его дочку зарезали. Рыженькую сеньориту Джуди. Жалко. Симпатичная была. Очень...

– Кто говорит?

– Сеньора Заубер, соседка синьора Смит..., соседка покойного мистера Толстяка. Это она мне позвонила и сообщила.

– Полицию уже вызвал?

– Нет, сеньор Ремарк. Я решил сперва вам доложить. Как...м-м-м, как главному...

– Ну-ну, – усмехнулся Роберт. – Лыстец смуглолицый.... Значит так. Немедленно вызывай окружную полицию. Да и про медиков-докторов не забудь. Всё, конец связи. Роджер.

Первым делом, Роберт переоделся, выбрав для такого случая неброский тёмный костюм. Как же иначе? Убийство – штука официальная, требующая к себе элементарного уважения. Поэтому и выглядеть надо было – соответствующим образом.

После этого он, пожелав Рою не скучать и вести себя достойно, покинул квартиру, вызвал лифт и нажал на кнопку с цифрой «7». Дверцы плавно и совершенно бесшумно закрылись, и лифт, печально вздыхая, начал подниматься.

– Как там высказался романтичный Санти? – пробормотал Роберт. – Мол, милый и вежливый толстячок? Однако.... Мистер Томас Смит-Осборн, на мой частный взгляд, больше напоминал своим внешним видом не в меру откормленного борова. Или такого же откормленного бегемота. На выбор. Кому что больше нравится...

Дверцы разошлись в разные стороны, и он вышел из лиф-

та. На просторной лестничной площадке располагались – на приличном расстоянии друг от друга – три квартирных двери. И возле одной из них, украшенной табличкой «25» и слегка приоткрытой, нервно переминались с ноги на ногу двое: низенькая пышнотелая дама бальзаковского возраста в цветастом шёлковом халате и высокий костистый мужчина в чёрных брюках и светло-синей футболке.

«Здоровенький такой мужичок», – машинально отметил про себя Роберт. – «Мускулистый и жилистый. Уже явно за пятьдесят, а выглядит отменно. Дай Бог каждому – в эти-то почтенные годы.... Лицо загорелое, морщинистое и волевое, с массивной «лошадиной» челюстью. Глаза характерные – тёмные и властные, с ярко выраженной «льдинкой».... И, тем не менее, дяденька нервничает. Вон, как пальцы рук, переплетаясь, заметно подрагивают. Достойный, короче говоря, претендент на роль убийцы...».

– Инспектор Ремарк! – обрадовалась дама в халате. – Ну, наконец-то! А у нас тут такое творится! Такое...

– Успокойтесь, милая миссис Заубер, – посоветовал Роберт. – Сейчас во всём разберёмся, – вопросительно посмотрел на костистого мужчину: – А вы, мистер, собственно, кто?

– Майкл Поспишил. Друг... э-э-э, покойного Томаса. Проживаю в соседнем доме. Надумал зайти в гости. Примерно четыре минуты назад вышел из лифта. А тут – женщина причитает. Попытался её успокоить.... Я, кстати, врач.

– Согласен, очень кстати. Уже заглядывали в квартиру

Смит-Осборнов?

– Нет. Признаться, хотел. Но...

– Я не пустила, – манерно поджав узкие губы, сообщила миссис Заубер. – Не положено – без представителей закона. Да и причитать я не умею.

– А если там есть живые? – зло прищурился Поспишил. – И им необходима экстренная помощь?

– Вот, ещё! – возмущённо фыркнула почтенная дама. – Я, что же, не смогу отличить нормальных людей от покойников? У мистера Толстяка.... То есть, у старика Томаса, лицо – синюшное-синюшное. И глаза открытые и неподвижные. Ресницы совсем не моргают.... А вертихвостка Джуди – вообще. Вся-вся в кровищи, и чёрная рукоятка кинжала торчит, – ткнула наманикюриным пальчиком в солидную левую округлость собственной груди.

– Нельзя показывать на себе, – пожурил Роберт. – Беду накликать – раз плюнуть.

– Ой, правда? Без шуток? А я и не знала. Прости меня, Господи, больше никогда не буду.... Рассказать вам, старший инспектор, как оно всё было?

– Конечно. Только, пожалуйста, поподробней.

– А нет никаких особых подробностей. Всё случилось очень просто и буднично. Сижу это я в своём любимом кресле, смотрю телевизор. Никого не трогаю. Вечерние новости передавали по Шестому каналу. И, вдруг, за стеной.... Там, как раз, и располагается гостиная этих богатеев Смит-

Осборнов. Причём, как легко определить по долетающим звукам, с настоящим караоке и домашним кинотеатром. Это малышка Джуди, позабыв про совесть и стыд, регулярно развлекается со своими приятелями-шалопаями. То есть, развлекалась. Извините.... Продолжаю. И, вдруг, за стеной страшно загремело и загрохотало. Ну, словно бы огромный книжный шкаф, забитый под самую завязку тяжелеными фолиантами, грохнулся на пол. У меня в буфете даже вся посуда жалобно задрезбужала, а ещё и портрет Алена Делона (в молодые годы), упал с трюмо.... Ну, думаю, так не пойдёт. Надо обязательно разобраться с мистером Толстяком. Сколько же можно терпеть все эти шумные безобразия? Выхожу, значит, на лестничную площадку, а дверь в соседнюю квартиру приоткрыта. Зашла, конечно, к Смит-Озборнам. Зашла и увидела.... Трупы увидела. Ещё перепархивающие бумажные самолётики.... Вернулась на лестничную площадку. Санти позвонила и стала охранять место преступления от посторонних. Вот, например, от таких, как этот подозрительный тип с мерзкой лошадиной физиономией.

– Кха-кха-кха, – возмущённо закашлялся Поспишил. – Ну, знаете ли.... А о каких бумажных самолётиках вы, мадам, толкуете?

– О каких надо, мужлан неотёсанный, о тех и толкую. Сперва, господин Лошадник, выучи наипростейшие правила вежливости, а уже после этого и обращайся с вопросами к приличным женщинам....

– Отставить, – велел Роберт. – Прекращайте, господа и дамы, дурацкую пикировку.... Значит, так. Вы, миссис Заубер, оставайтесь здесь: бессовестных зевак отгоняйте прочь, а также встречайте представителей полиции и медицины. А мы с доктором.... Кстати, господин Лош.... Извините, уважаемый. Короче говоря, а у вас при себе имеются какие-либо документы? Удостоверение личности, например? Или же водительские права?

– Пропуск на работу подойдёт? Он с фотографией.

– Давайте.... Эге, американский широкопрофильный медицинский холдинг с мировым именем. Главный анестезиолог. Внушает.... Пойдёмте, док, взглянем – что там и как.

– Из холла сразу поворачивайте в правый коридор, – любезно подсказала скандальная дамочка. – Там она и будет, шикарная гостиная.

– Спасибо за важную информацию, миссис Заубер. А также за бесценную помощь, оказанную следствию. Вы – кладезь самых разнообразных талантов и достоинств.... Доктор, за мной. И давай-ка перейдём на нормальное общение, безо всяких там официальных сюсюканий и аристократических эквивоков....

В просторном, почти квадратном холле, благодаря включённой пятирожковой люстре, было очень светло.

– Ой, ч-что это? – хриплым и чуть подрагивающим голосом спросил Поспишил. – Почему они...ш-ш-шевелиются?

– Кажется, японские бумажные журавлики, – невозмутимо пожав плечами, сообщил Роберт. – Десятка два с половиной. Сложены из разноцветных бумажных листов и беспорядочно разбросаны по эвкалиптовому паркету. Совершенно, на мой частный взгляд, ничего страшного.... Почему они шевелятся? А иногда даже, отрываясь от пола на несколько сантиметров, перемещаются с одного места на другое? Так бумага-то очень тонкая и почти невесомая, а по квартире сквозняки гуляют.... Ладно, господин эскулап, поворачиваем в правый коридорчик. Только осторожней шагай, чтобы хрупких бумажных птичек не раздавить...

Через несколько секунд они оказались в гостиной Смит-Осборнов.

«Солидное и богато-обставленное помещение», – мысленно прокомментировал увиденное Роберт. – «Элегантная стильная мебель. Наборной паркет ценных пород дерева. Картины в позолоченных рамах на стенах. И с профессиональным караоке миссис Заубер не ошиблась. И с навороченным домашним кинотеатром.... Теперь по делу. Возле широкого дивана, облицованного дорогой тёмно-кремовой кожей, лежит рыжеволосая женщина в летнем сарафане. Подол слегка задрался, обнажив смуглые колени. Из груди торчит чёрная рукоятка ножа. Одежда, руки и плечи испачканы в крови. Да и на полу хватает бесформенных красно-бурых луж. А ещё и бумажных японских журавликов – и на диване, и на мёртвом теле, и в кровавых лужицах....

Это мисс Джуди? Не стоит, пожалуй, торопиться с выводами – лицо полностью закрыто густыми волосами.... Теперь о мистере Толстяке. Да, цвет лица – характерно-синюшный. И никаких ран на теле не наблюдается. Может, у него – просто-напросто – инфаркт приключился? Ага, брелок с ключами зажат в кулаке правой руки. Навевает...».

– Что же это такое? Ик! Почему? – потерянно забормотал стоявший рядом Поспишил. – Ведь, уже столько лет прошло. Ик...

– Прекращай, док, истерить, – велел Роберт. – Я всё понимаю, мол, погибли друг и его дочка. Но и ты – не юноша нежный, а матёрый мужик с холодно-льдыстыми глазами. Давай, успокаивайся уже. Подёргай-ка себя за нос. Ещё подёргай. Сильнее.... Молодец. Ну, как? Полегчало?

– Ага, отпустило.

– Тогда нужен твой совет.

– Помогу, конечно.

– Есть у меня, док, некие предварительные намётки. Слушай.... Допустим, старина Томас приходит домой, звонит в дверной звонок, а ему никто не открывает. Тогда он достаёт из кармана ключи, отпирает замок, распахивает дверь, заходит в квартиру. И тут слышит, что в гостиной стонет женщина. Мистер Толстяк тут же, даже не заперев входную дверь, бросается в гостиную. Видит там смертельно-раненую дочку и, заполучив острый сердечный приступ, умирает. Ну, и девушка – за ним следом.... Как тебе такая версия?

– Не знаю. Не уверен...

– В чём – не уверен?

– Во многом, – громко сглотнув слюну, признался Поспишил. – Можно, я подойду туда? – указал рукой в сторону дивана.

– Подойди, – разрешил Роберт, а про себя засомневался: – «Нетипично, всё-таки, ведёт себя мистер Лошадник. Для опытного врача-анестезиолога, я имею в виду... Или же он, вообще, и не нервничает, а чего-то смертельно боится? Или же кого-то? Интересное кино...».

Оказавшись возле неподвижного женского тела, Поспишил вновь повёл себя странно. Взял с диванной спинки ярко-зелёного журавлика, рассеянно повертел в ладонях, тщательно осмотрел и, брезгливо поморщившись, отбросил в сторону. Потом подобрал из красно-бурой лужи второго журавлика – светло-лилового, в кровавых пятнах. Осмотрел, обнюхал, лизнул пару раз, выронил. После этого нагнулся, ткнул указательным пальцем в женскую загорелую коленку, выпрямился и – механическим голосом – вынес вердикт:

– Это не Джуди. Да и, вообще, не женщина.

– А кто же тогда?

– Манекен. Только очень качественный. Наверное, из очень дорогого бутика. И кровь, вообще, не кровь. А самый обыкновенный томатный кетчуп.

– Вот же, дела, – меланхолично помотал головой Роберт. – Натуральные чудеса в решетке...

Со стороны холла негромко проскрипели дверные петли, а ещё через пару секунд сердитый мужской голос объявил:

– Не ожидал я, Ремарк, от тебя такого. А ещё и приличным человеком все эти годы прикидывался.... Зачем же – без официальных указаний – залезать на чужую территорию? А?

Придётся сделать лёгкое и маленькое отступление – для объяснения некоторых местных особенностей.

К Роберту в Сиднее относились хорошо – и коллеги по работе, и соседи по дому и, вообще, жители-обыватели. То бишь, уважали, симпатизировали и даже – местами – любили. Как же иначе? Симпатичный молодой человек «чуть за тридцать», коммуникабельный, спортивный, крепкий, слегка загадочный, разговорчивый, мечтательный. Песенки всякие и разные поёт, сам себе аккомпанируя на рояле или же на гитаре. Кровавых маньяков изредка ловит. В том плане, что двух-трёх за год, о чём исправно сообщалось в австралийских газетах, по телевизору и на профильных сайтах. Но.... Но существовали и некие нюансы....

Сидней – город особенный, разделённый на тридцать восемь округов, практически независимых друг от друга. Причём, в каждом таком округе имеется собственный полномочный мэр. А, вот, единого «общегородского мэра» нет и в помине. Да и не было никогда.... Кому подчиняются главы этих тридцати восьми городских округов? Напрямую – Пра-

вительству штата Новый Южный Уэльс. Это – хорошо? Или же, наоборот, плохо?

Тут, уж, кому как.

Окружным криминальным инспекторам и следователям, к примеру, плохо. И даже очень.

Почему – плохо? Потому что – тесно...

Представьте себе такую ситуацию. Маленький окружной офис, где расположены все окружные службы: мэр с его аппаратом, разнообразные окружные чиновники, полиция, следователи, прокурорская братия. Кабинет окружного криминального инспектора, а напротив – кабинет его непосредственного руководителя. Этажом ниже – Прокуратура. Этажом выше – мэр с заместителями. С ума запросто можно сойти от такого нездорового обилия – непосредственно рядом с рабочим местом – вредного и строгого начальства.

И только Роберт Моргенштерн (он же – Роберт Ремарк), находился в ином, насквозь противоположном, привилегированном и вольготном положении. И виной тому была его редкая и экзотическая должность – «старший инспектор по особому разделу». Что в переводе с бюрократического языка на нормальный общечеловеческий означало – «старший инспектор по «маньячным» делам». То бишь, Роберт подчинялся – напрямую – Прокурору штата Новый Южный Уэльс. А рабочий офис Роберта – при этом – располагался в здании, где квартировало Правительство штата, то есть, в трёх кварталах от Прокуратуры. Удобство – без конца и без края. И

если среднестатистический криминальный инспектор видел своё прямое многочисленное начальство раз по тридцать-сорок на дню, то инспектор Ремарк (он же – Morgenstern), в пределах трёх-четырёх раз в месяц. А иногда и того реже. Согласитесь, что вполне весомый повод для нездоровой и жгучей зависти.... А, с другой стороны? Мол, у каждой полноценной медали сторон – ровно две? С другой стороны, все окружные криминальные инспекторы и следователи Сиднея только и мечтали – «сбросить» на Роберта все самые «тухлые» дела. Мол: – «Маньяками – за милю морскую – попахивает. Вот, пусть Ремарк и разбирается. Это конкретное преступление, честное и благородное слово, по его «маньячному» профилю...».

Итак, сердитый мужской голос выдвинул ряд серьёзных претензий.

Роберт вернулся в холл и непроизвольно улыбнулся – перед ним стоял самый натуральный хиппи. Вернее, Жак-Элиасен-Франсуа-Мари Паганель (ну, тот самый, из знаменитого романа Жюль Верна – «Дети капитана Гранта»), облачённый в типичную «хипповую» одежду: неухоженные лохматые и растрёпанные космы, профессорские очки с правой дужкой, перемотанной красной изолентой, нежно-голубые джинсы, рваные на коленях, старенькие мокасины оленьей кожи и бесформенная холщовая блуза-футболка с пафосной надписью – «Только Любовь – спасёт этот долбаный Мир...».

Лохматый хиппи звался – «Иван Габов» (в десятилетнем возрасте переселился с родителями из России в Австралию), а занимаемая им должность официально именовалась – «старший криминальный инспектор округа «Круговая пристань» города Сиднея, Австралия, штат Новый Южный Уэльс».

– Привет, Ремарк! – непринуждённо поздоровался Габов. – Рад, старый пьяница, видеть тебя в добром здравии.

– Аналогично, старина, – отвечая на крепкое рукопожатие, откликнулся Роберт. – Только наезжаешь ты на меня, приятель, совершенно напрасно. Даже и не думал – заходить на твою окружную «поляну». Я здесь, собственно, присутствую не в качестве работника Прокуратуры штата, а как сосед покойного Томаса Смит-Осборна. Он проживает..., то есть, уже проживал, на седьмом этаже этого подъезда, а я под ним – на третьем.

– Ха-ха-ха! – развеселился Иван. – Да ты, брат, совсем разучился фишку рубить. В том плане, что с тех самых пор, как залез под каблучок симпатичной Инни Сервантес.... Я же просто пошутил. Да любой окружной инспектор спит и видит, как знаменитый инспектор Ремарк забирает у него очередное нераскрытое дело об убийстве.... Ну, рассказывай, рассказывай, что тут и как. Рули, короче говоря. Поработаем вместе...

И они, конечно, поработали. Ничего особенного, сплошная следственная рутинка: оформление протокола, опрос со-

седей, надзор за работой экспертов-криминалистов и фотографов, препирательства с вредными и нетерпеливыми медиками.

Примерно через полтора часа Ремарк и Габов, решив перекурить, спустились на лифте на первый этаж.

– Как там, сеньор? – поинтересовался из своей стеклянной будочки консьерж Санти.

– Лучше и не спрашивай, – хмуро поморщился Роберт. – Сплошная полутьма – вязкая и непроницаемая.... Кстати, а ты не в курсе, где сейчас находится мисс Джуди?

– А разве...

– Жива она, жива. Но её мобильник почему-то молчит.

– Не знаю, сеньор Ремарк. Я на суточное дежурство в восемь утра заступил, как и всегда. Но сеньориту сегодня не видел.... Наверное, где-то с друзьями и подружками отрываётся. Возможно, к утру приедет.... Хотите, я завтра, после завершения дежурства, погуляю с вашим Роем?

– Спасибо. Но пока не знаю. Если что – позвоню...

Они, спустившись по короткой бетонной лестнице, вышли во внутренний дворик, заставленный разномастными легковыми автомобилями, и закурили.

– Что это у вас – с кадровым составом? – спросил Иван. – Дом солидный, с богатыми жильцами, а консьерж – с трёхдневной угольной щетиной. Не понимаю таких раскладов.

– Пытались воздействовать, но, увы, ничего не получилось. У Санти справка – о сильнейшей кожной аллергии.

Мол, бриться «наголо» нельзя, а бороду отращивать он не хочет. Просто регулярно ровняет-подстригает щетину специальной машинкой... Уволить? По закону нельзя. Круглый сирота, понимаешь. Его родители – выходцы из Мексики – много-много лет тому назад погибли в Испании, от рук баскских сепаратистов. Случайно оказались «не в том» рейсовом автобусе. В нашей человеколюбивой и толерантной Австралии к таким вещам относятся с особым трепетом... И вообще, Санти, он парнишка нормальный, с правильными понятиями. Вежливый, тихий, исполнительный. Даже иногда, когда у меня образуется запарка со временем, гуляет с Роем. Доплачиваю слегка, не без этого...

– Хорошо и доходчиво объяснил... А что ты думаешь про сегодняшнее...э-э-э, происшествие? Мол, убийство? Или как?

– Я же не Верховный судья штата, – хмыкнул Роберт. – Пусть на такие вопросы отвечают люди в мантиях. Это – их работа. Причём, высокооплачиваемая. Мол, является ли сердечный приступ результатом чьего-то злого и коварного умысла? Или же имела место быть чья-то неуклюжая шутка, не имевшая такового умысла? Заранее спланированное убийство? Или же досадная непредвиденная случайность?

– С этим-то, как раз, всё понятно, – проявил настойчивость Габов. – Но хотелось бы, честно говоря, услышать и твое, опытный «маньячный» инспектор, частное мнение.

– Конечно, убийство. Причём, спланированное. Без во-

просов.... Как вычислить коварного убийцу? Элементарно. Кандидат на эту роль должен соответствовать следующим критериям. Во-первых, он, безусловно, люто ненавидел мистера Толстяка. То есть, «имел на него зуб». Во-вторых, прямо-таки обязан знать о слабом и больном сердце покойного. В-третьих, у убийцы, судя по всему, были ключи от квартиры Смит-Осборнов. В-четвёртых, манекен. Здесь установлено достаточно много видеокамер, снимающих как внутренности различных помещений, так и придомовую территорию. Наверняка, человек, несущий женский манекен, попал в их поле зрения. По крайней мере, хотелось бы надеяться на это.... Ключи и видеосъёмки – вот, краеугольные моменты данного расследования. Кому Томас Смит-Осборн мог доверить ключи от квартиры? Ну, мало ли. Например, вздорной соседке, чтобы она изредка поливала цветы. Или же якобы надёжному другу.... А может, это и не мистер Толстяк отдал кому-то ключи, а его дочка-вертихвостка? Например, очередному любовнику? Так что, на лицо – обширное поле для предстоящей деятельности. Копать и не перекопать, образно выражаясь....

Раздалась мелодичная трель. Роберт достал из кармана пиджака тёмно-синий брусок мобильного телефона и поднёс его к уху.

– Моргенштерн? – поинтересовался бархатистый и вальяжный баритон.

– Да, это я. И вам, господин Прокурор штата, доброй ночи.

– Спасибо, инспектор.... Мне тут доложили, что в вашем

доме произошёл...э-э-э, несчастный случай. И, более того, выяснилось, что вы лично принимаете участие в расследовании...м-м-м, этого досадного происшествия.... На каком, собственно, основании?

– На месте преступления обнаружено более ста бумажных журавликов-оригами, сложенных из японской рисовой бумаги, – сообщил Роберт. – И это, на мой взгляд, является полноценным и весомым поводом для того, чтобы предположить...

– Не продолжайте, – в баритоне ожидаемо прорезались жёсткие стальные нотки. – Один раз – не в зачёт. Вот, когда эти птички-оригами будут найдены на месте следующего преступления, тогда мы с вами и поговорим о возможной «маньячной» составляющей.... Вы, Моргенштерн, слушаете не забыли, что завтра в тринадцать ноль-ноль начинается международная конференция по серийным убийцам? Прилетели гости и участники из тридцати пяти стран. Вам, милостивый государь, предстоит сделать развёрнутый тематический доклад.... Помните об этом?

– Так точно.

– Тогда незамедлительно прекращайте заниматься самодеятельностью и отправляйтесь спать. Незамедлительно. Я сказал. Спокойной ночи.

– Спокойной...

Естественно, что у читателей и читательниц возникли за-

кономерные вопросы. Мол, почему одни персонажи романа называют Роберта – «Ремарком»? А другие – «Моргенштерном»?

Это отдельная история. Рассказываю...

Глава вторая

Черноволосая болтушка

Роберт Моргенштерн родился в австрийском городе Клагенфурте, провинция Каринтия. Родился, вырос, повзрослел, окончил среднюю школу. А потом в его жизни начался весьма беспокойный период, богатый на различные, откровенно-нескучные события. И виной тому – многочисленные голливудские боевики, так обожаемые подростками всех национальностей...

Попрощавшись со средней школой, юный Роберт решил, что предназначен сугубо для полноценной мужской жизни, наполненной – без конца и без края – нештучными опасностями и героическими приключениями.

Сперва он закончил местную полицейскую Академию, и некоторое время проработал в родном Клагенфурте помощником криминального инспектора. Та ещё работёнка, между нами говоря. Беспокойная, нервная и неблагодарная.

А потом, воспользовавшись старинными связями отца, Роберт завербовался на три года во французский Иностраный легион. Зачем – завербовался? Конечно же, ради получения богатого жизненного опыта, больших денег, громкой славы и разлапистых орденов...

Три «контрактных» года пролетели очень быстро, прак-

тически незаметно. С деньгами, славой и орденами ничего не получилось. Определённый же жизненный опыт был, безусловно, приобретён. А вместе с ним и некоторые специализированные навыки, весьма полезные в различных неординарных и щекотливых ситуациях. Ну, и пару ранений. Куда же без них?

После завершения контракта с Иностраным легионом он вернулся на Родину и опять приступил к деятельности следователя. Только, предварительно отучившись на соответствующих служебных курсах, слегка переквалифицировался. То есть, стал заниматься сугубо серийными убийцами. Маньяками – в просторечии...

Занимался, расследовал, ловил, изобличал, набирался опыта. Даже начал потихоньку продвигаться по карьерной лестнице.

А потом, как это часто и бывает, приключился неприятный сердечный казус. Роберт влюбился – как последний сопливый мальчишка – в красавицу-соседку. Анхен была высокой, ногастой и грудастой. Кровь с молоком, образно выражаясь. Причём, с классическими женскими параметрами: девяносто-шестьдесят-девяносто. А ещё очень страстной и охочей до разнообразных постельных утех.... Впрочем, через некоторое время Анхен объявила, что выходит замуж за пожилого и богатого бургера, владельца сети модных рыбных ресторанчиков. Мол: – «Любовь – любовью, а деньги – деньгами. Но это обстоятельство (то есть, замужество), не

будет нам с тобой, милый Робби, особо мешать. Будем, как и прежде, встречаться. Реже, конечно. И соблюдая повышенную осторожность...».

Но Роберт, практически не раздумывая, от дальнейших интимных встреч с Анхен отказался наотрез. Вырвал её – без наркоза – из сердца. Вырвал и попытался забыть.

Сердечная рана, тем не менее, оказалась очень серьёзной. Саднила и саднила, саднила и саднила. Тем более что и Анхен частенько попадалась ему на глаза, бередя Душу заново...

И тогда Роберт решил уехать – как можно дальше от ветреной и вероломной красавицы. А что может быть дальше (по отношению к Австрии), чем Австралия?

Решил, собрал вещички, попрощался с родителями, родственниками, друзьями-приятелями, да и улетел в далёкий австралийский Сидней, где, как раз, имелось вакантное место на должность – «старший инспектор по особому разделу». Причём, что немаловажно, вместе с комфортабельной казённой квартирой.

Ну, а где-то через полгода после прибытия в Сидней, «Роберт Моргенштерн» превратился в «Роберта Ремарка». Благодаря языкастой и наблюдательной Инни Сервантес – «превратился»...

Дело было по поздней австралийской осени, в период затяжных и холодных дождей.

Криминальному инспектору Ивану Габову исполнилось тридцать пять лет. Юбилей, как-никак. На торжественное мероприятие, посвящённое этому событию, был – в числе прочих персон – приглашён и Роберт. А ещё на банкете присутствовала и младшая сестра Ивана – Татьяна, прихватившая за компанию и свою подружку Инни Сервантес, начинающую – на тот момент – театральную актрису.

«Синий слон», где они тогда собрались, относился к ресторонам «европейского класса»: непритязательная и скромная отделка, элегантная и хлипкая мебель, классическая и строгая европейская кухня без избытка острых восточных специй, соответствующий алкоголь, вышколенные официанты, чопорный метрдотель и заоблачные цены. А ещё в дальнем торце заведения располагался невысокий квадратный подиум со стареньким роялем.

Праздник, как праздник: поздравительные тосты, безобидные шутки, застольные беседы, «бородатые» анекдоты, весёлый смех, дружеские подначки.

А потом юбиляр, немного захмелев, возжелал, чтобы инспектор Моргенштерн «сбацал» какую-нибудь «стрёмную песенку» собственного сочинения. Мол: – «Хочу, и всё тут. Не смей возражать!».

Роберт спорить и отказываться не стал. Хлопнув рюмашку рома, он выбрался из-за стола, поднялся на подиум, уселся на стульчик, приставленный к роялю, небрежно пробежался подушечками пальцев по чёрно-белым клавишам и, слегка

гlossируя, спел:

И снова, как всегда,
Налит бокал вина.
И дождик за окном
Гуляет на природе.
Мой старший брат,
Иль кто-то там навроде.
Мой вечный пилигрим,
Зашедший навсегда.

А старые друзья
Задумчиво грустят.
И вновь официант
Несёт бутылку рома.
А разве, извини,
Бывает по-другому?
Так было и тогда,
Так много лет назад.

И девушка моя
Изысканно строга.
Её глаза
Сплошное совершенство.
А плечи, ноги
Полное блаженство.
Её любовь,
Как первая струна.

И смятая постель
Опять белым-бела.
А сизая метель
Опять метёт по кругу.
Она моя опять
Безумная подруга.
Она моя опять
Полночная вдова.

И где-то поезда,
Стучат колёса – в такт.
А призрачный покой
Порой нам только снится.
Мелькают города,
Пески, цветы и лица.
И где-то запоздал
Наш общий друг Ремарк.

И снова, как всегда,
Налит бокал вина.
И дождик за окном
Гуляет на природе.
Мой старший брат,
Иль кто-то там навроде.
Мой вечный пилигрим,
Зашедший навсегда.

Мой вечный пилигрим,
Зашедший навсегда...

Дождавшись, когда отзвучат вежливые аплодисменты, Роберт вернулся к праздничному столу, и застолье продолжилось.

А ещё через некоторое время мужчины отправились в курительную комнату.

– Этот Роберт Моргенштерн – весьма интересный и приметный паренёк, – задумчиво попивая из хрустального бокала красное испанское вино, сообщила Инни Сервантес. – Весьма. Я даже знаю, на кого он похож. Причём, как внешне, так и внутренне...

– И на кого же? – заинтересовалась любопытная Татьяна.

– На знаменитого писателя Эриха Марию Ремарка. Вот, на кого. А также на всех главных «ремарковских» героев. Например, на Роберта Локампа – из «Трёх товарищей».... Ты сама посуди. Высокий, стройный и очень прямой. Густые светлые волосы, зачёсанные назад. На рояле играет и душевные песенки поёт. На английском языке говорит с жёстким немецким акцентом. Родился в Австрии. Одевается очень стильно: длинное и приталенное осеннее пальто тёмно-серого цвета, элегантная мягкая шляпа, белоснежный шарф на шее.... А его глаза? Иногда – мечтательные и отстранённые, словно бы их владелец мысленно пребывает где-то далеко отсюда. Иногда – высокомерные, заносчивые и горделивые. Ещё я почему-то уверена, что эти глаза могут быть суровыми, холодными и безжалостными, так как их хозяин, судя по

всему, способен на серьёзные поступки. В том числе, и на жёсткие. Наверняка, наш Робби прошёл полноценную военную выучку. По крайней мере, «армейская косточка» чётко ощущается...

– Пожалуй, подруга, ты права. Соглашусь, наблюдается определённое сходство.... Впрочем, мне сперва показалось, что Роберт Моргенштерн больше похож на Николая Гумилёва. Был такой знаменитый русский поэт. Его, кажется, большевики расстреляли. Хотя, и Ремарк – неплохой вариант.... Только тебе-то что до этого?

– В каком, извини, смысле? – вопросительно прищурилась Инни.

– В самом прямом, – язвительно усмехнулась вредная Татьяна. – Я прекрасно помню типаж главных «ремарковских» героинь. Высокие такие дамочки с аристократическими манерами. Худые и болезненные. С длинными и прямыми каштановыми волосами. А ещё и относительно молчаливые.... Так что, радость моя театральная, тебе ничего не светит – в плане покорения сердца господина «маньячного» инспектора.

– Внешность и поведенческие манеры? Да, здесь наблюдаются определённые нестыковки, спорить не буду.... Ростом я, действительно, не вышла. Метр пятьдесят восемь. Маловато будет. Волосы чёрные, жёсткие и с нехилой кудрявостью. Телосложение плотное. Здоровье отменное, полтора года, как-никак, отработала гимнастикой-акробаткой в

бродячем цирке. Болтливая – до полной невозможности. И с аристократичным воспитанием – полный швах. Откуда же ему было взяться – в условиях провинциального никарагуанского городишки, где прошло моё детство и часть юности? Нечем крыть.... Тем не менее, у меня есть одно неоспоримое и весомое достоинство.

– Какое, если не секрет?

– Имя. Моё настоящее имя – «Инэс». Что в переводе с испанского языка означает – «святая и целомудренная».... Разве этого мало?

– Ну, не знаю.

– Тем не менее, наплевав на все нестыковки, даже вместе взятые, я забираю «маньячного» инспектора Ремарка в своё единоличное и суверенное пользование. Решено. Все возражения, споры и сомнения отменяются...

Так оно всё и произошло. Во-первых, практически все, включая журналистов, городских обывателей и подследственных лиц, стали именовать Роберта – «Ремарком». Только высокое официальное начальство ещё помнило – о «Моргенштерне». А, во-вторых, уже через полтора месяца после того памятного банкета в «Синем слоне» Инэс переехала в казённую квартиру Роберта. Причём, вместе со всеми вещами и псом Роем.

С тех пор прошло – без малого – два с половиной года. За это время Инни Сервантес превратилась – из начинающей – в весьма известную театральную актрису: премьеры, гастро-

ли, интервью и многочисленные поклонники с пышными букетами цветов. Она даже снялась в двух модных «мыльных» телесериалах. Но это – ровным счётом – ничего не изменило. В том плане, что Инэс бросать скромного «маньячного» инспектора не планировала, а всех богатых поклонников вежливо, но твёрдо и неизменно спраживала. Более того, она даже пообещала серьёзно подумать – на досуге – над предложением о замужестве, сделанном недавно Робертом...

На следующее утро Роберт проснулся в полседьмого утра. Посетил туалет, сделал пятнадцатиминутную стандартную физзарядку, принял контрастный душ, оделся и отправился на прогулку с Роем.

Именно на прогулку, чтобы подышать свежим воздухом, а, вовсе, не для всяких других, насквозь прозаичных целей. Рой, как уже было сказано выше, являлся породистым английским гладкошёрстным той-терьером. Достаточно миниатюрным, порядка двадцати пяти сантиметров в холке, элегантным и компактным. А ещё очень активным, непоседливым и темпераментным. И, вместе с тем, дружелюбным и хладнокровным. Его английские предки, как-никак, являлись – в прошлые века – отменными и знатными крысоловами...

Но главным и неоспоримым достоинством Роя, несомненно, являлось его отношение к делам туалетным. То бишь, он справлял все свои естественные нужды сугубо в пластико-

вый лоток, заполненный специальными светло-синими гранулами. А на улице – ни-ни, никогда.

– Молодец, приятель, – регулярно нахваливал пса Роберт. – Настоящий английский джентльмен, с чётким пониманием норм приличного поведения.

Получается, что гулять с Роем было обязательно? Получается, что так. Но Роберт пса искренне любил и считал, что тому будет полезно – лишний раз подышать свежим воздухом...

Они спустились на лифте на первый этаж. Рой, как и полагалось по строгим австралийским правилам «выгула домашних животных», находился на кожаном поводке.

В холле консьерж Санти передавал должностные обязанности-полномочия своему сменщику Тарасу Назаренко, переселенцу из Украины – иногда Роберту даже казалось, что различных переселенцев в Австралии гораздо больше, чем природных (хотя бы во втором поколении), австралийцев.

– Гав! – поздоровался вежливый Рой.

– Привет, ребята, – поддержал пса Роберт. – Как ты, Санти? Освободился? Не хочешь немного прогуляться с нами?

– С удовольствием, сеньор...

Пройдя через калитку в кованом металлическом заборе, они покинули придомовую территорию и неторопливо зашагали в сторону южного мола «Кругового причала».

На улице было просто замечательно – бездонное ярко-голубое небо, свежий бриз, дувший с океана, температура

окружающего воздуха держалась на уровне плюс двадцати трёх-четырёх градусов по Цельсию. Идеальная погода для лёгкого променада, короче говоря.

Роберт посмотрел в сторону соседнего дома, где проживал Майкл Поспишил, друг покойного Томаса Смит-Осборна, и подумал: – «Брат-близнец нашего домика. И кованый заборчик – точно такой же. Наверняка, эти два здания были построены почти одновременно. Судя по характерной архитектуре, лет так двенадцать-пятнадцать тому назад. Новодел, возведённый в слегка подкорректированном викторианском стиле.... Надо будет некоторые справки навести. Например, а в каком году мистер Толстяк и его друг Лошадник въехали в эти дома с, отнюдь, недешёвыми квартирами? Возможно, что это поможет разгадать мотивы вчерашнего преступления. Неспроста же Поспишил – при осмотре гостиной покойного – пробормотал, мол: – «Что же это такое? Почему? Ведь, уже столько лет прошло...». Что, интересно, он имел в виду? Надо будет Габову обязательно подсказать...».

Вскоре они дошагали до южного мола, от которого регулярно, строго соблюдая расписание, отходили маленькие и уютные пассажирские теплоходики – так называемые «ферри», доставлявшие местных жителей и приезжих туристов в разные части города. От южного мола «ферри» отходили, а к северному молу – через строго-определённое время – возвращались. Очень удобный, симпатичный и надёжный вид общественного транспорта.

– Ветер дует с океана, – сообщил Санти. – Дождём пахнет. И над линией горизонта зависла длинная чёрная полоска.

– К вечеру непременно задождит, – согласился Роберт. – Люблю здешние неторопливые и задумчивые дожди... Слушай, а инспектор Гамов вчера просматривал записи наших видеокамер?

– Гамов? А кто это?

– Ну, который в рваных джинсах, очках и с растрёпанными волосами. Высокий и сутулый.

– А, сеньор Иван... Он все кассеты с записями у меня изъяс, расписку написал, а сами кассеты передал водителю. А тот их куда-то увёз.

– Значит, шофёр укатил, а инспектор Иван остался?

– Остался, – утвердительно кивнул головой консьерж. – Дождаться сеньориту Джуди.

– И как? Дождался?

– Ага. Она только в четыре утра приехала. На такси. Пьяненькая.

– Знакомая ситуация, – хмыкнул Роберт. – Что было дальше?

– Когда сеньорита Джуди узнала, что сеньор Томас умер, то принялась рыдать. А потом у неё приключилась истерика: начала кричать, ругаться, визжать, размахивать руками... Но инспектор Иван, надо отдать ему должное, тут же взял ситуацию под контроль – накормил барышню специальными пилюлями и успокоил. А потом вызвал служебную машину,

усадил в неё сеньориту Джуди и увёз в неизвестном направлении. Вот, и все новости.

– Спасибо, признателен.... Ты сейчас куда?

– Направо, – махнул рукой в сторону неказистых припортовых строений Санти. – Вон в том бараке под тёмно-коричневой черепичной крышей я и снимаю комнату.

– И какова месячная арендная плата?

– Терпимо, сеньор. Не более одной трети от моей зарплаты. Жить можно.... Так я пойду?

– Иди, Санти. Пока.

– До свидания, сеньор Ремарк. До свидания, Рой. Сейчас у меня – трое суток выходных. Буду отсыпаться и отдыхать. А после этого мы непременно увидимся.

– Гав-в!

Консьерж, устало сутуля узкие плечи, удалился в сторону припортовых барачков.

Роберт, глядя ему вслед, рассуждал про себя: – «Санти Гонсалес. Возраст? Трудно сказать. Но тридцати лет ему ещё не исполнилось, это точно. Черноволосый – с отдельными седыми прядками, короткостриженный. Тонкие и породистые черты лица. Невысокий и очень-очень худенький, с вечной «угольной» щетиной на подбородке и узкими плечами. Но, при этом, ловкий, шустрый и сообразительный. В одежде предпочитает классические светло-голубые джинсы, широкие плотные футболки и бесформенные куртки.... Он, безусловно, может быть замешан во вчерашнем преступле-

нии. Естественно, ни как идейный организатор и вдохновитель, а в качестве старательного исполнителя или же молчаливого пособника.... Во-первых, в каморке консьержей стоит узкий металлический сейф, в котором хранится полный комплект запасных ключей от всех квартир подъезда – данный момент чётко оговорён в соответствующем законе штата Новый Южный Уэльс. Например, на случай внезапного пожара, вызванного коротким замыканием, во время отсутствия хозяев в конкретной квартире. Или, допустим, пожилому человеку стало плохо, а рядом, как назло, никого нет. Лежит, бедолага, в постели и не может встать. И тогда он звонит по мобильнику в ближайшую медицинскую клинику. Приезжают врачи, берут у дежурного консьержа запасные ключи, отпирают дверь и спасают заболевшему человеку жизнь.... Во-вторых, именно консьержи имеют доступ к видеокамерам. То бишь, теоретически могут – по собственному желанию, или же за денежку – стирать различные заснятые кадры.... Мог Санти, вступив в тайный сговор с неизвестным злодеем, выдать на время означенному злодею запасные ключи от квартиры Смит-Осборнов? Например, для изготовления дубликатов? Теоретически – да. А мог он помочь злоумышленнику разобраться с доставкой женского манекена? Запросто, ничего хитрого. Ночью, за несколько суток до запланированного преступления, машина (нужные видеокamеры в этот момент, естественно, выключены), останавливается возле нашего подъезда. Манекен вытаски-

вают и прячут в подсобном помещении. А потом, в назначенный час «Ч» (например, ранним-ранним утром), манекен поднимают на седьмой этаж и заносят в «двадцать пятую» квартиру. Потом пристраивают его в нужном месте, задирают сарафанчик, втыкают в грудь кинжал, закрывают лицо густыми рыжими волосами, старательно разбрызгивают томатный кетчуп, разбрасывают везде бумажных журавликов и уходят.... Извини, Санти Гонсалес, но придётся заняться твоей смуглолицей персоной вплотную. Придётся. Впрочем, не только твоей, но и всех твоих коллег-сменщиков.... В том смысле, что пока консьержами, работающими в нашем подъезде, будет заниматься окружной инспектор Иван Габов. Пока? Это точно. Есть у меня чёткое предчувствие, что в самое ближайшее время и второй труп обнаружится. Уточняю, второй хладный труп, окружённый – сразу со всех сторон – бумажными журавликами-оригами.... Кстати, местные журналисты и репортёры утверждают, что в Австралии чуть ли не каждого четвёртого консьержа зовут – «Санти». Почему так происходит? Никто не знает. Очередная австралийская странность, не более того...».

Следующая часть дня прошла скучно, обыденно и совершенно неинтересно.

Вернувшись с прогулки, Роберт освободил Роя от кожаного ремешка, переделся в солидный офисный костюм, покинул квартиру, запер входную дверь, спустился вниз на лифт-

те, вышел из дома, сел в старенький тёмно-синий «Шевроле Лачетти» и поехал в Прокуратуру. Потом было скучное и занудное совещание. А в тринадцать ноль-ноль, как и планировалось, началась международная конференция. Так, совершенно ничего вразумительного и позитивного. Абсолютно бесполезное и глупое мероприятие, если по-честному. Роберт выслушал парочку размазанных тематических выступлений, в перерывах немного пообщался с коллегами по благородному ремеслу, после чего зачитал собственный пятидесятиминутный доклад.

И только он, успешно завершив выступление, а также ответив на парочку дежурных вопросов, спустился с трибуны и прошёл в курительную комнату, как тут же – требовательно и настойчиво – зазвонил мобильный телефон.

Мельком взглянув на высветившийся номер, Роберт широко улыбнулся, нажал указательным пальцем на нужную кнопку и, поднеся мобильник к уху, поинтересовался:

– Как дела, любимая? Как прошли новозеландские гастроли? Как долетели обратно?

– Всё нормально, – заверил звонкий женский голосок. – И с гастролями, и с полётом. Я уже дома. Только что накормила Роя.

– Рад тебя слышать.

– Я тоже... Ты меня любишь?

– Люблю.

– А как – любишь?

– Как беззащитные полевые птички – тёплый и безоблачный весенний рассвет.... Устраивает?

– Вполне.... А ты сейчас где?

– В Прокуратуре, на международной конференции. Ты же должна быть в курсе.

– Я в курсе. Поэтому, собственно, и звоню.

– Что имеется в виду? – насторожился Роберт.

– То и имеется.... Сколько сейчас времени?

– Шестнадцать пятьдесят пять.

– Правильно, – ехидно усмехнулся женский голосок. – У меня, как раз, перед глазами лежит «Программа-расписание» вашей конференции. И там чётко обозначено, что, мол, сегодня деловая часть данного мероприятия длится только до семнадцати ноль-ноль. А потом начинается всякая подзрительная муть, обозначенная как – «живое общение участников и лёгкий фуршет».... Ты же, милый, небось, настроился принять участие в этом «лёгком фуршете»? Поболтать с опытным и знающим народом? Пропустить рюмашку другую?

– Есть такое дело, – признался Роберт. – Планировал остаться. Потому как даже предположить не мог, что ты так быстро окажешься дома.... А как же закадычные, обожаемые и ужасно общительные подружки? Почему ты так быстро наговорила с ними? Может, поссорились?

– Какие ещё подружки? – возмутилась Инни. – В нашем подъезде, если ты подзабыл, вчера произошло убийство. По

местным телевизионным каналам только об этом и говорят. Где-то поблизости, возможно, бродит коварный и жестокий маньяк. А у нас – беззащитный пёсик дома один оставался. Конечно же, скомкав всю ранее запланированную программу, поспешила домой. . . . Робби, а я тебе подарок привезла из Веллингтона². Три бутылки ямайского рома. Дорогущего. Коллекционного. С красивыми золотистыми медальками на серебристой этикетке. . . . А?

– Понял, выезжаю.

– Только не надо, пожалуйста, терзать дверной звонок. Ключами воспользуйся. Я, видишь ли, вознамерилась по-серьёзному «погрузиться» в пучину Интернета.

– По какому, извини, поводу-вопросу?

– Провожу серьёзное расследование. Нуждаюсь в дополнительной информации.

– Какое ещё расследование? – на всякий случай уточнил Роберт.

– Расследование всех обстоятельств смерти мистера Томаса Смит-Осборна. . . . А как же, извини, иначе? Убили соседа по подъезду. Значит, убийца (возможно, что и законченный маньяк), бродит где-то совсем рядом. Страшновато. Всякое, тьфу-тьфу-тьфу, может случиться. . . . Полицейские и следователи Сиднея? Они, понятное дело, молодцы, настоящие профессионалы и всё такое прочее. Но, ведь, и знаменитой пословицы никто не отменял, мол: – «Спасение утопа-

² Веллингтон – столица Новой Зеландии.

ющих – дело рук самих утопающих...». Доходчиво излагаю?
– Ага. Более чем. Уже по лестнице спускаюсь. Практически вприпрыжку...

Он вошёл в квартиру, захлопнул дверь, ласково потрепал по холке Роя, радостно вертевшегося рядом, поменял ботинки на домашние тапочки с мохнатыми помпонами и прошёл в их совместный с Инэс кабинет: два письменных стола, кресла на колёсиках, книжные шкафы, компьютеры, ноутбуки и фотоаппараты, а также стены, плотно завешанные разномастными театральными афишами.

Инни, облачённая в коротенький полупрозрачный пеньюар (естественно, безо всякого нижнего белья под ним), сидела за одним из письменных столов и, активно перебирая подушечками длинных пальцев по клавиатуре компьютера, увлечённо всматривалась в экран монитора.

– Кха-кха, – выжидательно откашлялся Роберт.

– А, что такое? – обернулась Инэс. – Это ты, милый, – подставила для поцелуя карминные, изысканно-очерченные губы, но уже через пять-шесть секунд торопливо отстранилась и пожурела: – Ну, и напор у вас, господин Ремарк. И ладошки – горячие-горячие такие. Прямо-таки не уважаемый «маньячный» инспектор, а какой-то записной и сверхопытный соблазнитель. Я тут, понимаешь, важными делами занимаюсь, а у него только всякие глупости на уме...

– И как продвигаются дела? Накопала что-нибудь инте-

ресного?

– Конечно. А ты сомневался?

– Ни на секунду.

– Тогда докладываю. У меня тут сформировалась одна дельная версия... А что, если это и не маньяк, вовсе, подбросил в квартиру Смит-Осборнов разноцветных бумажных журавликов?

– Кто же тогда?

– Якудза!

– Японская мафия? – не наигранно удивился Роберт. – Зачем, почему и для чего?

– Ну, как фирменный знак, – легкомысленно передёрнула худенькими плечами Инни. – А, заодно, чтобы и следствие запутать... Перестань, пожалуйста, так насмешливо улыбаться. Общеизвестно, что именно японцы являются главными фанатами оригами. Покойный же Смит-Осборн владел (Интернет мне любезно подсказал), блокирующим пакетом акций крупного кондитерского холдинга, расположенного в Индонезии. Всякие там шоколадные батончики, которые – на самом-то деле – являются соевыми. Прочая аналогичная жульническая ерунда, но только в очень-очень больших объёмах... Угадай, а кому принадлежат остальные «псевдо-шоколадные» акции?

– Неужели, неким неприметным японским бизнесменам?

– Правильно, сообразительный... Заканчивай так плотноядно пялиться на мои смуглые и аппетитные коленки.

– Мы, конечно, не являемся официальными супругами. То есть, живём в гражданском браке. Но...

– Но это не является уважительным поводом для ненадлежащего исполнения супружеских (пусть и гражданских), обязанностей?

– Ага. Не является, – грозно нахмурившись, подтвердил Роберт. – Ни в коем случае.

– Ты меня любишь?

– Люблю.

– А как – любишь?

– Как задумчивый и меланхоличный океанский прибой – разноцветную прибрежную гальку.

– Ладно, уговорил. Выключаю компьютер. Будем усердно и целенаправленно исполнять.... Подлые маньяки? Подождут. Как, впрочем, и не менее подлые японские мафиози...

Глава третья

Собачья смерть и спецслужбы

«Исполнение обязанностей» затянулось. А ещё – в паузах – они пару-тройку раз перекусили, да и коллекционному року (с золотистыми медальками), воздали должное. Поэтому и уснули уже ближе к двум часам ночи. Или же к двум часам утра? Сложный – с точки зрения науки философии – вопрос. Практически неразрешимый. То бишь, как кому больше нравится...

Заверещал мобильник – громко и назойливо. Замолчал. Вновь запиликал и затренькал как сумасшедший.

– Что же это такое, а? Неужели я опять проспал? – не открывая глаз и бестолково шаря ладонью правой руки по прикроватной тумбочке, пробормотал Роберт. – Где же он, сволочь голосистая? Ага, нашёл... Да, я слушаю. Говорите.

– Привет, Ремарк, – известил бесконечно-мрачный баритон.

«Что-то случилось. Причём, серьёзное», – пробежали в голове шустрые мысли. – «Питер Модильяни, Прокурор штата Новый Южный Уэльс, переходит с «Моргенштерна» на «Ремарка» лишь в самых крайних случаях. Только когда злится, нешуточно расстроен, или же пребывает в полном смятении. Не к добру это...».

– Доброе утро, босс, – нейтрально отозвался Роберт.

– Доброе? Сомневаюсь...

– Я, наверное, проспал? Извините. Случайно. Больше такого не повторится. Обещаю.

– А на какое время был заведён ваш будильник?

– На семь пятьдесят пять, как и всегда по рабочим дням.

– Тогда можете забрать свои извинения обратно, – в бари-тоне обозначились ворчливые саркастические нотки. – Сей-час только сорок семь минут восьмого.... Что с вашим са-мочувствием, старший инспектор? Голос какой-то хриплый и бесконечно-усталый.... Ах, да, мне же докладывали. Вче-ра ваша любимая девушка вернулась из театральных гастро-лей. Всё понимаю. Дело насквозь житейское. Сам когда-то был молодым и влюблённым. Только очень и очень давно. В прошлом веке.... Всё, шутки закончились. Встать. Умыться. Привести себя в порядок. Позавтракать. И одеться.... Офис-ный костюм отменяется. Как и всяческие глупые вопросы. Форма одежды – сугубо рабочая. Служебное удостоверение и оружие прихватить с собой в обязательном порядке. На всё про всё – двадцать минут. Конец связи...

– Постойте, босс! – буквально-таки взмолился Роберт. – А куда мне выезжать-то? По какому адресу?

– Никуда. Через двадцать две минуты я сам подъеду к вашему подъезду. О международной конференции забудьте. Там сегодня справятся и без нас. Слава Богу, есть кому.... Попрошу не опаздывать. Мисс Сервантес передавайте от ме-

ня привет. Являюсь горячим и искренним поклонником её театрального творчества. Отбой.

– Почему, Робби, ты так шумишь? – сонно проворчала Инни. – Разбудил, противный мальчишка...

– Это, любимая, просто будильник сработал. Спи.

– Хорошо, попробую.... А ты куда?

– На международную конференцию. Куда же ещё? – чтобы не тратить время на пространные объяснения, соврал Роберт. – Не забудь потом, когда окончательно проснёшься, погулять с Роем.

– Не забуду, не беспокойся. Потом, уже после прогулки, позавтракаю и немного поболтаю по телефону с подружками. Ну, а после этого продолжу – с помощью всезнающего Интернета – расследование, начатое вчера. Ещё и с соседями обсужу ситуацию.

– Расследуй и обсуждай. Не возражаю.

– Вау-у-у! Как же спать хочется.... Ты меня любишь?

– Люблю.

– А как – любишь?

– Как белоснежные и мечтательные гуанако – заснеженные и суровые Кордильеры.

– Всё, «маньячный» инспектор, чмокай меня в щёку и выметайся из спальни...

Собираясь в дорогу, Роберт без усталости ломал голову: – «Господин Прокурор штата (мужчина самовлюблённый, заносчивый и бесконечно-вальяжный), лично выезжает на ме-

сто преступления? Причём, прихватывая по дороге рядового (пусть и старшего), инспектора? Неслыханное дело... Кого же, интересно, убили? Даже и не знаю – что подумать. Чудеса в решете...».

Уже перед самым уходом он выдрал из блокнота лист бумаги и написал записку следующего содержания: – «Любимая! Ты же у меня девушка коммуникабельная, разговорчивая и сообразительная? Узнай, пожалуйста, в каком году семья Смит-Осборнов приобрела квартиру в нашем доме. Ещё одно. В соседнем доме проживает некто – «Майкл Поспишил», близкий друг покойного мистера Толстяка. Наведи и о нём аналогичные справки – относительно заселения. Опроси консьержей. Побеспокой управляющего коммунальной компании. Только, пожалуйста, ненавязчиво так. Без излишнего напора. Заранее спасибо. Твой Робби...».

Написал, положил записку на кухонный стол и, попрощавшись с Роем, покинул квартиру.

К подъезду уверенно подкатил чёрный и вальяжный (как и его хозяин), «Мерседес», оснащённый приметными номерами Прокуратуры штата и затемнёнными стёклами.

Машина остановилась. На правой задней дверке плавно приоткрылось окошко, и сердитый начальственный баритон велел:

– Садитесь, старший инспектор, рядом с водителем. Быстрее. Мы спешим...

Роберт, послушно заняв указанное место, захлопнул дверку. «Мерседес» тронулся с места, выехал – через проём с поднятым полосатым шлагбаумом – со двора и достаточно быстро, но скрупулёзно соблюдая при этом правила дорожного движения, покатил по утренним улицам Сиднея.

Ненавязчиво повертев головой, Роберт отметил: – «Непростой, однако, автомобиль у господина Модильяни, просторный. Прямоугольный столик перед задним сиденьем имеется. А на столике расположился навороченный ноутбук. Эге... Не удивлюсь, если здесь и встроенный мини-бар обнаружится. Интересно, а какие алкогольные напитки размещены в нём? Наверняка, что-нибудь жутко-жутко экзотичное...».

– Я догадываюсь, старший инспектор, о чём вы сейчас подумали, – неожиданно сообщил голос Прокурора штата.

– Э-э-э...

– Хотите – угадаю?

– Попробуйте, конечно... Почему бы, собственно, и нет?

– Скорее всего, о том, что должность Прокурора штата – тяжкая и неблагодарная ноша. Вот, вы сейчас спокойно и беззаботно поедете. Будете в автомобильные стёкла-окошки легкомысленно пялиться и ворон считать. Мне же предстоит сложная, кропотливая и ответственная работа. Надо целую кучу серьёзных документов просмотреть. На несколько заковыристых электронных писем аргументированно ответить. А ещё, ко всему прочему, хотелось бы разрешить од-

ну очень важную и весьма скользкую дилемму, неверное решение которой – чревато. Причём, самыми разнообразными неприятностями и неожиданными подвохами. Эх, жизнь моя – жестянка жестяная и неприкаянная...

– Вы, босс, угадали, – понимающе вздохнул Роберт. – Действительно, я вам не завидую. Ни капли... Можно задать несколько наипростейших и ненавязчивых вопросов?

– Задавайте. Только три, не больше.

– Нашли труп, рядом с которым были разбросаны разноцветные бумажные журавлики?

– Да, обнаружилась такая покойница, – подтвердил Модильяни. – Только эти чёртовы журавлики были не разбросаны, а, наоборот, тщательно приклеены. Что, впрочем, сути дела не меняет.

– Понятно.... А кто она – эта покойница? То есть, кем была при жизни?

– Заслуженная сотрудница американского ЦРУ, вышедшая на пенсию и осевшая в нашей Австралии. Выдавайте, старший инспектор, свой последний вопрос.

«Ничего себе!», – огорчился Роберт. – «Только американских рыцарей плаща и кинжала (помимо японских мафиози), мне и не хватало. Типа – для полного комплекта...», и, подумав секунд десять-двенадцать, спросил:

– Куда мы сейчас едем?

– В загородное поместье покойной, где она – на протяжении последних лет – проживала со своим пожилым супру-

гом. Это где-то на севере. Недалеко от места впадения реки Хоксбери в залив Брокен... Всё, инспектор Ремарк, не отвлекайте меня. Скоро всё сами увидите. Я велел, чтобы на месте преступления до нашего приезда ничего не трогали. Будем надеяться, что так оно и будет. Если, конечно, подлые конкуренты, опередив, не нагадят...

«Сидней, всё же, очень красивый и своеобразный город», – глядя в автомобильное окошко, решил – в очередной раз – Роберт. – «Только здесь можно встретить такие необычные и изысканные архитектурные переплетения. Современные небоскрёбы – сплошные бетон и стекло, а между ними – древние каменные дома. Да, что там – дома. Каменные приземистые домищи с островерхими шпилями, построенные ещё в девятнадцатом веке. А некоторые, судя по всему, и в восемнадцатом... Опять – высоченные небоскрёбы. Снова – массивные каменные домищи и симпатичные церквушки... И ничего, очень даже органично и целостно смотрится. Удивительное дело, короче говоря...».

Через некоторое время «Мерседес» въехал на знаменитый мост Харбор-Бридж («Вешалка» – в просторечии), соединяющий южный и северный берега величественного залива Порт Джексон. По заливу проплывали – в ту и в другую стороны – симпатичные разноцветные «ферри» с пассажирами на бортах. Параллельно с автомобилем, постепенно отставая от него, двигался длиннющий железнодорожный состав.

– Один из самых больших стальных арочных мостов в мире, – зачем-то сообщил неприметный прокурорский шофёр. – Был открыт девятнадцатого марта 1932-го года, весит порядка шестидесяти тысяч тонн.

– Спасибо за своевременную и актуальную информацию, – вежливо поблагодарил Роберт.

Постепенно равнинный рельеф местности преобразовался в относительно-гористый, а город, доверчиво прижимаясь к берегу океана, начал дробиться на своеобразный пунктир: дома – ярко-зелёные склоны, дома – блёкло-жёлтые пляжи.

«Пригороды», – мысленно прокомментировал Роберт. – «Достаточно симпатичные и компактные застройки... А теперь им на смену приходят частные земельные владения с загородными домами, виллами и даже с небольшими замками... Ага, впереди мелькает ярко-синяя лента реки, покрытая тёмно-зелёными пятнами островов. Искомая речка Хоксбери, надо полагать. С правой же стороны простираются серо-голубоватые воды залива Брокен и речного эстуария... Эстуарий? Ну, это такое воронкообразное речное устье, расширяющееся в сторону моря и регулярно затопляемое морскими приливами. А поэтому и достаточно глубокое, так как вышеупомянутые приливы, превращаясь с течением времени в отливы, регулярно уносят в океан все речные наносы и отложения...».

Сзади раздался резкий щелчок, произведённый хлопнувшимся ноутбуком, и Питер Модильяни объявил:

– Примерно через триста пятьдесят метров поворачиваем направо. После этого минут через пять-шесть будем на месте. Поместье – «Голубая лагуна». Совершенно дурацкое, на мой прокурорский взгляд, название. Нет здесь поблизости никаких лагун: ни голубых, ни серо-буро-малиновых, ни каких-либо других.... Почему же поместье назвали именно так? Скорее всего, по укоренившейся привычке. «Цэрушники». Что с них взять? Вечно осторожничают, маскируются и наводят тень на плетень....

Вскоре в поле зрения появился солидный кирпичный забор: тёмно-бежевый, высоченный, с густыми рядами колючей проволоки по верхнему торцу.

Машина – через широко распахнутые двухстворчатые ворота – въехал на территорию «Голубой лагуны».

«Совершенно ничего особенного», – подумал Роберт. – «Стадо грязно-белых коз пасётся на лугу. Там же присутствуют немногочисленные овечки, телята и коровы. Старый и, скорее всего, запущенный сад: яблони, сливы, груши, абрикосы. Кусты красной смородины и крыжовника. Маленький виноградник. Всякие хозяйственные постройки.... Над верхним торцом забора натянута колючая проволока? Для чего? Зачем? Откровенный и бестолковый перебор. Для сытой, мирной и законопослушной Австралии – перебор, я имею в виду.... Вот, и дом. Нет, на виллу откровенно не тянет. Большой двухэтажный коттедж, и не более того. При-

чём, требующий комплексного косметического ремонта. А рядом с домом расположились три машины: тёмно-красная японская легковушка, пятнистый полицейский джип и бело-синий медицинский фургончик...».

Автомобиль остановился, Роберт выбрался наружу.

Двое полицейских демонстративно скучали возле своего джипа, не обращая на вновь-прибывших ни малейшего внимания. А к «Мерседесу» – от японской малолитражки – быстрым шагом направился молодой краснощёкий блондин. Подошёл, остановился и нерешительно затоптался на одном месте.

Роберт, насмешливо подмигнув, указал взглядом на правую заднюю дверь автомобиля.

Блондин оказался необидчивым и смышлёным: торопливо обежал машину и, взявшись за никелированную ручку, предупредительно распахнул дверку.

– Спасибо, – величественно покидая «Мерседес», поблагодарил Питер Модильяни, мужчина грузный и очень-очень представительный, с пышными седыми усами и массивной чёрной тростью, зажатой в ладони правой руки. – Представьте, юноша.

– Криминальный инспектор Оуэн, округ города Виндзора. Это поместье, господин Прокурор штата, входит в зону нашей ответственности.

– Вежливость – залог быстрого карьерного роста. Учитесь, Ремарк.... Кха-кха-кха!

«Похоже, что босс так и не определился со своей скользкой дилеммой, грозящей серьёзными неприятностями», – понял Роберт. – «Ладно, подождём. Посмотрим, что будет дальше...».

Откашлявшись, Питер Модильяни, который, не смотря на свою начальственную вальяжность, был достаточно разговорчивым человеком, продолжил разглагольствовать:

– Виндзор? Славный курортный городишко. Очень милый и уютный. Да и красивых старинных зданий, оставшихся с былых славных Времён, в нём хватает.... Значит, зону вашей ответственности, инспектор, расширили непосредственно до тихоокеанского побережья? Ну-ну. Оптимизация расходной части бюджета, это понимать надо.... Что это, Оуэн, вы так нервно морщитесь? Не терпится доложить о произошедшем? Не стоит утруждаться, право. Я и так всё знаю. Уже больше тридцати пяти лет, как-никак, тружусь в нашей Системе.... Рассказываю. Ранним утром в ваш офис позвонил почтенный мистер Трапп и сообщил о безвременной гибели своей супруги. Мол, вышел на улицу и случайно обнаружил её бездыханное и окровавленное тело. Вы, естественно, приехали. Но и ребята из конкурирующей Конторы, увы, не дремали, – неодобрительно покосился в сторону скучающих полицейских. – Встретились. Повздорили. Немного поиграли в «перетяни одеяло на себя». После этого принялись – синхронно и настойчиво – названивать непосредственному начальству. А то – своему. И так далее. До

упора.... Я прав?

– Полностью, господин Прокурор штата. В точку попали. Вы очень прозорливы.

– Это точно. Очень-очень. Временами даже с некоторым избытком.... Ладно, Оуэн, ведите нас к месту преступления. Что называется, взглянем и оценим. Ремарк, не отставайте...

За светло-зелёным двухэтажным коттеджем под терракотовой черепицей размещалось странное сооружение: просторная беседка с пирамидальной крышей, только забранная – со всех четырёх сторон – в решётки из толстых металлических прутьев, а в одну «из решётчатых стен» была вмонтирована крепкая прямоугольная дверь, оббитая тёмными железными листами.

– Что это за шедевр архитектуры? – удивился Модильяни. – И для каких целей он выстроен?

– Для проживания сторожевого пса, – преданно поедая начальство глазами «дисциплинированного служаки», доложил Оуэн. – Порода – ирландский волкодав. Очень крупные, сильные и выносливые собаки. Отличные сторожа и охранники.... Поздним вечером пса выпускали из этой большой клетки – для охраны «Голубой лагуны». А ранним утром, естественно, кормили и запирали обратно.

– Где же труп отставной «цэрुшницы»?

– В клетке.... Понимаете, там, внутри, находится ещё и деревянный утеплённый «собачий дом». То есть, очень боль-

шая собачья будка. Поздней осенью и зимой на здешнем побережье частенько случаются прохладные ночи, сопровождаемые густыми и промозглыми туманами.... Так вот. Как раз из этой будки и торчат ноги мёртвой женщины. Сейчас покажу. Одну секундочку...

Дверь – со зловещим скрипом – отворилась.

«Однако, картина маслом», – внутренне передёрнулся Роберт. – «Сплошной и навороченный импрессионизм. Причём, с яркими нотками психического извращения.... Из полукруглого проёма в огромной деревянной будке, действительно, торчат ноги – явно старческие, в сине-багровых венах, обутые в старенькие летние башмаки. Из-под серой льняной юбки, сбившейся на сторону, выглядывает край длинных голубых панталон.... А вот и знакомые разноцветные бумажные журавлики: на голых худых ногах, на толстых досках собачьей будки, на железных прутьях клетки-беседки.... Приклеены? Скорей всего. Ветерок-то сегодня резкий и порывистый. Предусмотрительно отработано, надо признать. Чтобы невесомые бумажные птички не разлетелись в разные стороны.... Кровавые пятна и полосы. Полосы? Странно...».

Стараясь выглядеть – на сто процентов – хладнокровным и невозмутимым, он спросил – брезгливым и недовольным голосом:

– Вы, что же, молодой человек, вытаскивали мёртвое тело из будки?

– Вытаскивали, – засмущавшись и погрустнев, признался Оуэн. – Ещё до того, как поступил приказ, мол: – «Ничего руками не трогать. Пусть всё остаётся в первоначальном виде...». Было так. Мы с помощником приехали. Полиция прибыла. Врачи подтянулись. А тут – такое.... Отзвонились и доложились. Пospорили. Вновь задействовали мобильную связь. Стали ждать.... Потом посоветовались и решили, что надо слегка разобраться в ситуации. То есть, уточниться. Доктора взяли миссис Трапп за ноги и осторожно вытащили её тело из «собачьего домика». Посмотрели. Всё стало понятно. Вернее, совсем непонятно.... Через некоторое время по телефону поступила строгая команда, мол, ничего не трогать. Причём, и нам поступила, и полицейским. Вновь посоветовались и решили, что мёртвую старушку надо срочно вернуть на прежнее место. Вернули...

– Значит, вернули на место, – задумчивым баритоном протянул Модильяни. – Ну-ну, деятели исполнительные.... Так что там, внутри? – нетерпеливо ткнул толстым указательным пальцем в сторону собачьей будки. – Хотелось бы, всё же, узнать, чёрт вас всех побери.... Что – там?

– Огромный медвежий капкан с острыми стальными зубьями. Рука, отрубленная (или же перекушенная?), этим капканом. Мобильный телефон, крепко зажатый в ладони отрубленной руки. Мёртвая старуха – без правой руки. Очень много крови. И целая куча бумажных журавликов. Пожалуй, всё. Кажется, ничего не забыл.

– Бред законченный.... Ремарк, а вы что думаете по этому поводу?

– Много чего, – криво усмехнулся Роберт. – Но одно могу сказать с железобетонной уверенностью: это происшествие – однозначно – проходит по моей епархии.

– Согласен. Без маньяка здесь, скорее всего, не обошлось, – важно пошевелив густыми седыми усами, пропыхтел Прокурор штата. – Подчёркиваю, без матёрого и законченного маньяка.... Но есть ли у вас, старший инспектор, конкретные предположения...э-э-э, относительно обстоятельств этой необычной «собачьей смерти»?

– Естественно. Предполагаю, что произошло следующее.... На нежном розовом рассвете миссис Трапп вышла из коттеджа – чтобы отвести собаку в клетку и, предварительно накормив, запереть её там. Звала, звала, нет ответа.... Тогда она встревожилась и забеспокоилась, мол: – «Неужели, верный пёсик приболел и, не дожидаясь завтрака, отправился спать?». Подошла к клетке, заглянула внутрь.... И вдруг, из собачьей будки раздалась трель мобильного телефона. Может, её собственного мобильника. Может, просто очень знакомая и приметная мелодия. Трудно сказать.... Итак, бывшая сотрудница ЦРУ, утратив бдительность, вошла в клетку и опустилась на четвереньки. Залезла – наполовину – в конуру, вытянула вперёд правую руку, нашарила ладонью не умолкающий мобильник.... Дальше вы знаете. В конечном итоге, миссис Трапп умерла – либо от сильнейшего болево-

го шока, либо от критической потери крови... Возникает закономерный и разумный вопрос, мол: – «А где же отважный сторожевой пёс? То бишь, породистый ирландский волкодав?». Отвечаю... Оуэн, когда вы прибыли к «Голубой лагуне», двухстворчатые ворота были закрыты? А металлическая калитка, встроенная в них? Открыта? Ну-ну. Я так и думал. Убежал сторожевой пёс, без сомнений. А может, его маньяк увёл с собой. Существует авторитетное мнение, что животные (причём, как домашние, так и дикие), относятся к человекообразным психам с искренним пиететом и трогательной жалостью. Очередная загадка природы... Как вам, уважаемые господа, такая печальная история?

– Правдоподобная и яркая картинка, – одобрил Модильяни. – Можете, Ремарк, когда захотите. Не отнять и не прибавить... Ну, Оуэн, а где сейчас находится супруг пострадавшей?

– С противоположной стороны дома установлена садовая скамейка. Вот, он на ней и сидит. Смотрит на устье реки Хоксбери и плачет. На вопросы не отвечает. Общаться ни с кем не желает... Вас проводить к нему, господин Прокурор штата?

– Зачем же мешать – своим присутствием – профессионалам? Идите, Ремарк, общайтесь с фигурантом. Говорят, что вы большой и непревзойдённый мастер – разговоры душевные разговаривать. Вот, вам и карты в руки. Только не забудьте потом – доложить о полученных результатах...

И он пошёл. Обогнул – со стороны залива Брокен – коттедж Траппов. Уселся на краюшек длинной светло-синей садовой скамьи, на втором краю которой расположился совершенно седой сторбленный старик, повздыхал, помолчал, закурил, вновь повздыхал...

Со скамьи отрывался просто замечательный и изумительный вид на обширный эстуарий реки Хоксбери. Загадочные серо-голубоватые воды, украшенные парусами (в основном, идеально-белоснежными), легкомысленных яхт. Неясные и призрачные силуэты солидных морских судов. Многочисленные чёрно-белые пятна крикливых птичьих стай, парящих над океанским побережьем.

– Очень красиво здесь. Словно бы какая-то выставка – мудрых и целительных картинок, – поделился своими ощущениями Роберт, после чего достал из внутреннего кармана джинсовой куртки фляжку из нержавеющей стали и неторопливо – с характерными звуками – отвинтил крышечку.

– Ром? – заинтересованно задёргал длинным носом старикан.

– Ага. Ямайский и коллекционный. Хлебнёте?

– Пожалуй. Давайте.... Эх, Эстель, Эстель. Как же так? Грехи наши тяжкие.... Ох, хорош напиток. Духовит. Молодость мне напомнил. Спасибо вам, юноша...

– Роберт Ремарк. Криминальный инспектор. Специализируюсь на серийных убийцах. Сиречь, на маньяках.

– На маньяках? Даже так?

– Да, речь, безусловно, идёт о серии, – подтвердил Роберт. – Этот конкретный маньяк на месте каждого из своих преступлений оставляет приметный знак – японских бумажных журавликов. Ну, как подпись. Или же, как отпечатки пальцев.... Расскажите мне, пожалуйста, про миссис Трапп. И, вообще, про вашу совместную жизнь.

– Про жизнь? – задумчиво шмыгнул носом старик. – Расскажу, конечно. Только боюсь, молодой человек, что не смогу быть вам сколь-нибудь полезным.... Ничего, если я ещё разок отхлебну из вашей фляги? Благодарствуйте.... Кхакха. Итак.... Мы с Этель очень любили друг друга, но были при этом совершенно разными людьми – по убеждениям, мировоззренческим менталитетам и интересам. Поэтому договорились сразу, ещё задолго до свадьбы, что в профессиональную деятельность друг друга никогда вмешиваться не будем. Даже вопросов по этой тематике постараемся избегать.... Я всю жизнь занимался палеонтологией и геологией. Этель – делами шпионскими. Вроде бы.... Мы много путешествовали. Страны и континенты мелькали – как в цветном изысканном калейдоскопе. А, вот, с рождением детишек ничего не получилось. Видимо, всемогущий Господь Бог так распорядился.... В самом конце 1998-го года Этель уволилась из ЦРУ. Как и почему? Сама уволилась? Или же её уволили? Извините, но не знаю. Честное слово, даже не интересовался.... Купив «Голубую лагуну», мы поселились здесь.

Так жена захотела. А я и не возражал. Австралия – с точки зрения палеонтологии и геологии – весьма интересная и перспективная страна.... Я все эти «австралийские» годы занимался фундаментальной наукой, а ещё в Университетах Сиднея читал лекции студентам. Эстель же с искренним удовольствием посвятила себя домашнему хозяйству: сад, огород, виноградник, домашние животные. А ещё она очень любила рыбную ловлю – и на море, и на реке. Всё так хорошо было.... Примерно три года тому назад что-то случилось. Такое впечатление, что моя супруга чего-то всерьёз испугалась. Или же кого-то. Даже наняла рабочих, которые поменяли хлипкую (на её взгляд), деревянную изгородь на высокий кирпичный забор с колючей проволокой. Породистого сторожевого пса завела. А на мои вопросы не отвечала. Впрочем, оно и правильно, ведь уговор, как известно, дороже денег.... Потом всё постепенно улеглось. Даже подумалось, что тревога оказалась ложной. Напрасно, как теперь выяснилось, подумалось.... Что ещё? Пару месяцев назад у Эстель появилась странная подружка – пожилая католическая монахиня. Кто такая и откуда – не знаю. Вот, собственно, и вся наша жизнь.... Вы же не обидитесь, если я допью ром? Спасибо вам большое, господин Ремарк...

Попрощавшись со стариком, Роберт покинул садовую скамью и, пройдя порядка шестидесяти метров, выглянул из-за угла коттеджа.

За время его разговора с мистером Траппом произошло важное и знаковое изменение: рядом с чёрным «Мерседесом» Прокурора штата появился ещё один – точно такой же. А сам Модильяни и ещё два солидных господина, отойдя в сторону от машин, о чём-то оживлённо беседовали между собой.

«Очередной странный и неприятный сюрприз образовался», – мысленно усмехнулся Роберт. – «Действительно, прибыли ребята из «параллельных» Контор. Тот, что повыше – господин Министр Полиции и Чрезвычайных ситуаций штата Новый Южный Уэльс. А низенький крепыш, и вовсе, даже страшно сказать – кто. Один из руководителей Australian Security Intelligence Organisation. То бишь, Агентства национальной безопасности Австралии. Маразм, что называется, матерел и крепчал.... Кем же миссис Эстель Трапп была при жизни? Чем конкретно занималась? И за что её – в самом конце 1998-го года – уволили из ЦРУ?

Глава четвёртая

Старт и Танго

Оживлённая беседа высокопоставленных чиновников, тем временем, перешла в другую фазу. То бишь, преобразовалась в жаркий спор и взаимные упрёки с элементами псевдо-вежливой ругани.

«Узкие ведомственные интересы, это понимать надо», – уважительно подумал Роберт. – «Да и очередные парламентские выборы уже не за горами. Все заметные и серьёзные политические игроки нынче осторожничают, дабы не допустить – в безалаберной спешке – глупых, досадных и фатальных ошибок, на которые так падка жёлтая австралийская пресса. Но и излишней слабину давать не стоит, себе дороже. Мол, нынче избиратель капризный пошёл: и жёстких силовых методов не приемлет, но и излишней мягкотелости не одобряет...».

Похоже, что Прокурору штата, не смотря на численное превосходство противника, удалось, всё же, одержать в споре победу. Впрочем, далеко не глобальную, а так – насквозь локальную и временную. Но, всё же. Победа, она и в Австралии – победа...

Питер Модильяни, невежливо сплюнув в сторону, развернулся на сто восемьдесят градусов и, опираясь ладонью пра-

вой руки на свою чёрную массивную трость, оглядел окрестности. Причём, не просто так оглядел, а очень внимательно и пристально, практически орлиным взором, не упуская из вида ни одного интересующего его объекта.

Оглядел, а после этого совершил ряд практических действий. Во-первых, он, вежливо прикоснувшись указательным пальцем левой руки к угольно-чёрной шляпе-котелку на голове, попрощался – тем самым – с юным инспектором Оуэном. Во-вторых, ткнул – тем же самым пальцем – в сторону своего чёрного «Мерседеса», подавая шофёру сигнал трогаться. В-третьих, нетерпеливо махнул рукой Роберту, мол: – «Нечего там отсвечивать, старший инспектор, неумело притворяясь среднестатистическим гражданским скромником. Срочно гребите сюда, недотёпа. Залезаем в авто и немедленно отъезжаем. Дела...».

Они сели и отъехали.

– Суки рваные, – презрительным голосом прокомментировал неприметный шофёр. – Лишь бы дело замять. Мол, высшие интересы давних союзнических отношений и всё такое прочее. Мол, все подобные дела надо решать в отдельном порядке. То бишь, в секретном и тайном – до полной невозможности...

– Молчать, – велел Модильяни. – Разговорчивый какой выискался. Безо всякой разумной меры... Слушайте сюда, Моргенштерн. Да, мои уважаемые «параллельные» коллеги настаивали на том, чтобы Прокуратура штата не занималась

бы смертью Этель Трапп. Мол, не было никаких бумажных журавликов-оригами, и всё тут.

– Что же тогда было? – заинтересовался Роберт.

– Банальный несчастный случай. Пожилая женщина настраивала капкан на наглых садовых крыс, но не справилась с тугой пружиной, а потом, потеряв руку, истекла кровью. Бывает. А Министерство Полиции и Чрезвычайных ситуаций штата всё оформит должным образом, сделает соответствующее заявление для прессы и организует достойные похороны.... Зачем им это понадобилось? Служебная тайна. Наверное, не хотят, чтобы персона Этель Трапп – даже после её смерти – привлекала к себе внимание. Вдруг, при проведении расследования всплывёт...э-э-э, что-нибудь неблагоприятное и малосимпатичное? Их, кстати, можно понять....

– Но вы же не стали? То есть, не пошли этим мутным и скользким господам навстречу?

– Не пошёл, – тяжело вздохнув, признался Прокурор штата. – Почему? Извините, Моргенштерн, но это уже не вашего ума дело. То есть, высокая политика.

– Высокая политика – это понимать надо, – язвительно хмыкнув, дополнил Роберт.

– Вот, именно.... Итак, резюмирую. Возбуждается официальное расследование по факту серии убийств. Обстоятельства смертей мистера Томаса Смит-Осборна и миссис Этель Трапп объединяются в одно дело. Расследование поручается вести старшему инспектору по особому разделу Ро-

берту Моргенштерну... Есть только одно «но». Вернее, одно непреложное условие, выдвинутое «параллельными» коллегами и принятое мной. Мы больше не посещаем «Голубую лагуну», а также больше не вступаем в общение ни с супругом покойной миссис Трапп, ни с другими её родственниками. Ни с близкими, ни с дальними. И никаких контактов с прессой – относительно обстоятельств смерти Этель Трапп. Ни малейших... Это вам понятно, старший инспектор?

– Ага, запомнил. А можно получать информацию о жизни и профессиональной деятельности Этель Трапп из других, так сказать, из независимых источников?

– Можно, получайте. Только со стартом расследования, ради Бога, не тяните. Стартуйте, как можно быстрее... Теперь по составу группы, – нахмурился Модильяни. – Вы же, насколько я помню, нынче в особом разделе (или же в отделе?), остались в полном одиночестве?

– Это да. Остался. В полном одиночестве. Инспектор Макс Шейн ещё не оправился от серьёзной раны, полученной при задержании предыдущего маньяка. А инспектор Люси Касс готовится к скорым родам.

– Кем бы хотели усилиться?

– Кем? – задумался Роберт. – Мне бы подошёл старший криминальный инспектор Иван Габов. Естественно, если будет разрешено привлекать – для решения текущих оперативных задач – и других следственных сотрудников округа «Круговая пристань».

– Дельное и разумное предложение. Забирайте, Моргенштерн. Согласен. Нынче в районе «Круговой пристани» сложилась достаточно спокойная и благостная обстановка. Если, конечно, не считать недавней смерти Томаса Смит-Осборна.... Ну, и от себя добавлю – подмогу.

– Кого конкретно?

– Вы её не знаете.

– Её?

– Это точно, – неожиданно хохотнул Прокурор штата. – Весьма милая и забавная барышня. Мария...м-м-м, кажется, Куз-не-цо-ва.... Откуда она взялась? Естественно, с проходящей нынче международной конференции сотрудников правоохранительных органов. А в Сидней она прилетела из далёкой и заснеженной России. Более того, должна остаться в Австралии на полноценную годичную стажировку. Вообще-то, Марию изначально хотели определить в столичную Канберру, но там пока нет вакантного места. Так что, пару-тройку месяцев барышня пробудет у нас. Не беда.

– И зачем мне сдалась эта русская девица? – тут же обиделся Роберт. – Пусть и забавная? Что я вам, босс, сделал плохого?

– Мария, она не только барышня, но ещё и крутой аналитик. Очень крутой, талантливый и опытный. И сразу несколькими языками владеет в совершенстве. Так что, Моргенштерн, не капризничайте. Не гневите Бога. Берите, что дают.... Кроме того, не забывайте, что госпожа Куз-не-

цо-ва прибыла к нам из России. А, как известно, у русских с «цэрушниками» свои давние счёты. И, конечно же, обширные базы данных. Вот, вам и так называемые – «независимые источники информации». Пользуйтесь на здоровье.... Ещё одно важное дело. Вы, старший инспектор, уверены в своём рабочем офисе? То есть, в его информационной безопасности?

– Вы хотите сказать, что...

– Ага, именно это, – подтвердил Модильяни. – Наверняка, ушлые ребята из Министерства Полиции, да и из Агентства Национальной Безопасности, захотят быть в курсе проводимого вами расследования. И слежка будет, и подслушивающих «жучков» понаставят – везде и всюду.... Советую проводить все рабочие совещания у себя дома. В том числе, и сегодняшнее. Так, честное слово, будет спокойней. Ну, и ко мне в служебный кабинет с докладами заскакивайте изредка. Если, понятное дело, возникнут неразрешимые проблемы. Или, наоборот, если обозначатся конкретные успехи и подвижки.... Мария Куз-не-цо-ва? Сейчас позвоню ей и продиктую ваш домашний адрес. А вы пока свяжитесь с инспектором Габовым. Да и уважаемую мисс Сервантес обязательно поставьте в известность.... Как это – о чём? Конечно, о приходе коллег. Моя жена, например, бывает очень недовольна, когда я – без предупреждения – привожу гостей. После их ухода обязательно начинает ворчать, мол: – «Пришли люди, а я была не накрашена. Да и не расчёсана толком. Ка-

кой позор...». Учитесь, Моргенштерн, у старших коллег, пока я жив. Учитесь...

В двенадцать двадцать пять машина остановилась у подъезда, Роберт выбрался наружу, захлопнул дверку, и прокурорский «Мерседес», прощально мигнув задними фонарями, укатил восвояси.

– Привет, Ремарк, – из-за угла дома показался Габов, по-прежнему выглядывавший как хиппующий чудак-профессор. – Значит, всё же, серия?

– Она самая. Старина Модильяни решился-таки на открытие «маньячного» дела. Ну, а ты – вместе с другими спецами округа «Круговая пристань» – приданы мне для усиления следственного потенциала. Официальный приказ будет оформлен в ближайшие часы.

– Перекурим и обменяемся свежими новостями?

– Перекурим, конечно, – решил Роберт. – Но только без новостного обмена.

– Почему – без обмена?

– Потому, что не люблю бестолковых повторов. Вот, когда прибудет опытный аналитик, любезно прикомандированный к нашей следственной группе господином Прокурором штата, тогда всё и обсудим. Причём, подробно, без суеты, спешки и недомолвок...

Они, перекурив, поднялись в квартиру.

Инэс – причёсанная, свежая, накрашенная и приодевша-

ся – ласково чмокнула гражданского супруга в щёку, приветливо поздоровалась с Иваном и, как легко догадаться, тоже захотела узнать – всё-всё-всё. Но Роберт был непреклонен, мол, будем дожидаться хвалёного аналитика и точка.

– Может, тогда перекусим? – заныл вечно-голодный холостяк Габов. – А то я с этими служебными заморочками и срочными телефонными переговорами даже позавтракать толком не успел.

– Перекусим, – покладисто согласилась Инни. – Только извини, хиппи запущенный, нет у нас разносолов. Я, ведь, только вчера вернулась из новозеландской поездки и поэтому ещё не успела навести здесь порядок. То бишь, придать нашему с Робби семейному гнёздышку достойный вид. Кроме того, я с самого утра выполняла важные поручения, выданные мне нашим знаменитым «маньячным» инспектором. Так что, не обессудьте.... Что могу предложить? Бутерброды с маслом, сыром, колбасой и ветчиной. Варёные куриные яйца. Консервированные креветки и мидии. Маринованные сардельки. Соевые крекеры. Картофельные чипсы. Всякие и разные орешки в ассортименте. Чай и кофе, куда можно капнуть коллекционного ямайского рома. Светлое пиво.... Пойдёт?

– А то, яркая звёздочка местных театральных подмостков и подиумов. Она ещё спрашивает. Давай, мечи всё вышеперечисленное на стол. Пока у меня кишки от голода не завязались в крепкий морской узел. И Рою, пожалуйста, выдай

что-нибудь покушать, чтобы не обижался...

Трапеза была в самом разгаре, когда ожил домофон.

– Что там? – подойдя к светло-серой панели, висевшей на стене в прихожей, спросил Роберт.

– К вам гостя, сеньор Ремарк, – сообщил равнодушный голос консьержа Сантьяго. – Очень красивая сеньора.

– Пропусти, Сантьяго. Дверь в квартиру я уже открыл...

Через пару минут в столовую-гостиную вошла фигуристая молодая брюнетка, слегка похожая на некую средне-статистическую актрису из голливудских фильмов прошлого века, с плоским кожаным портфелем в руках.

– Если вы, уважаемая, перекраситесь в блондинку, то станете похожей на, э-э-э..., – предсказуемо оживился Габов.

– На молоденькую Мэрилин Монро? – пристроив портфель возле стены, подсказала брюнетка.

– Ага. Точно. На неё.

– Я знаю. Вы очень наблюдательны, мистер...

– Инспектор Иван Габов.

– Даже так? Мария Кузнецова, аналитик.

– Так вы – русская?

– Не буду этого отрицать...

Старший криминальный инспектор округа «Круговая пристань» и протеже Питера Модильяни тут же принялись о чём-то оживлённо болтать, естественно, на совершенно незнакомом языке.

– Э-э, прекращайте! – возмутился Роберт. – Это вы, что

же, сейчас по-русски общаетесь? Так, ребятки, не пойдёт. Попрошу в рабочее время разговаривать сугубо на английском языке. Так, на мой частный взгляд, будет честнее и полезнее для нашего общего дела. Потом, уже на досуге, наболтаетесь всласть. О Родине поговорите. О политике. То, да сё.... Итак, значит, Мария.... м-м-м, Куз-не-цо-ва?

– Ага, Мария, – подтвердила брюнетка. – Она же – Мари, Марина, Маша, Марья, Марьяна и Маняша. А, вообще, для простоты общения, называйте меня – «Танго». Это прозвище такое, служебное.... Ну, люблю я потанцевать от Души. Особенно – всякие зажигательные латиноамериканские танцы. В частности, классическое аргентинское танго.... Кстати, а в Сиднее есть хорошие танцевальные школы? Или же профильные клубы?

– Найдутся, – заверила Инни. – И порекомендую. И покажу. И со здешними танцевальными фанатами сведу. Без проблем.... Меня, кстати, зовут – Инэс Сервантес. Пёс носит кличку – Рой. А этот белобрысый симпатяга – мой бойфренд Роберт Ремарк. Он же – Роберт Моргенштерн.

– Очень приятно. Наслышана про всех вас, включая собачку. Извините, пса. Рада знакомству.

– Только не вздумай, Мэрилин – якобы – Монро, глаз на моего Робби положить. Последствия будут катастрофическими, ужасными и непоправимыми. Обещаю.

– Поняла, учту.... Ой, пиво. Австралийского я ещё никогда в жизни не пробовала.... Можно и мне – баночку?

– Конечно, бери.

– Пшик-к-к, – доброжелательно пропела вскрываемая банка.

– Ну, за состоявшееся знакомство, – провозгласила Танго. – Буль-буль-буль-буль...

Габов только руки восхищённо развёл в стороны, мол: – «Как булькает-то бойко! Умереть и не встать.... Опа, баночка опустела. Сильна, барышня, сильна. Сразу видно, что наш человек. В доску. Значит, обязательно сработаемся...».

– Хотелось бы верить, – тихонько пробормотал Роберт и, выждав пять-семь секунд, повысил голос: – Всё, соратники и соратницы, завершаем приём пищи и напитков. А также и все разговоры на бытовые и отвлечённые темы. Но прежде, чем перейти к делам серьёзным, вынужден кое-что прояснить.... Мисс Инэс Сервантес, естественно, не имеет ни малейшего отношения к правоохранительным службам и органам Австралии. Но, всё же, она будет присутствовать на всех наших рабочих совещаниях. Почему, зачем и для чего? Для того, уважаемые коллеги, чтобы я мог сэкономить целую кучу времени. Ну, бесполезно от упрямой, любопытной и своевольной Инни скрывать что-либо. Поверьте мне на слово. Бесполезно. Многократно проверено.... Вопросами замучает. Дуться будет. Подслушивать. Подсматривать. Интриговать. И, в конечном итоге, применив изошрённые сексуальные пытки, получит, всё равно, интересующую её информацию.... Вам всё ясно, господа и дамы? Вопросов нет? Заме-

чательно. Тогда, благословясь, начнём по порядку. Что называется, от Адама. Старший инспектор Габов, ваш выход...

Первым делом, Иван, посматривая в сторону Танго с нескрываемым одобрением и обожанием, подробно рассказал обо всех обстоятельствах смерти Томаса Смит-Осборна. А после этого доложил и об основных итогах проведённых следственных мероприятий:

– Во-первых, по отпечаткам пальцев, обнаруженных в квартире Смит-Осборнов. Их достаточно много: и мужских, и женских. Но в этом нет ничего странного, так как мисс Джуди, дочка покойного, являясь очень общительной и бойкой девицей, частенько приводила в квартиру большие молодёжные компании. Бесшабашное веселье иногда продолжалось до самого утра, так как мистер Томас частенько уезжал в длительные командировки, связанные с его бизнесом.... Но дело, собственно, не в этом. Главное, что все обнаруженные «пальчики» не проходят ни по одной из наших криминальных баз и картотек. Безобидная «золотая молодёжь» веселилась-отрывалась, и не более того. А на бумажных журавликах, и вовсе, отпечатки пальцев отсутствуют.... Во-вторых, по записям придомовых и внутридомовых видеокамер. Ничего подозрительного при их просмотрах не обнаружено: ни подозрительных людей, перетаскивавших женский манекен, ни не менее подозрительных типов с японскими бумажными журавликами в руках. Кроме того, авторитетные эксперты однозначно установили, что записи видеокамер никаким

внешним воздействиям не подвергались. В плане стирания отдельных кадров и подмены видеокассет, я имею в виду... В-третьих, непосредственно о самом женском манекене. Он, как выяснилось при осмотре, разборной: голова откручивается, каждая рука и нога разбирается на две составные части, а туловище, вообще, на три. То есть, незаметно пронести эту штукину в квартиру – по частям и за несколько приёмов – не составляло особого труда... В-четвёртых, запасные ключи от квартир жителей подъезда. Они хранятся в сейфе консьержей. Подчёркиваю, в опечатанном сейфе. Последний раз запасными ключами пользовались ещё в прошлом году, почти пять месяцев тому назад. Тогда в одной из квартир на первом этаже начался пожар, из приоткрытой форточки повалил густой серый дым. Консьерж, дежуривший в это время в подъезде, вызвал по телефону пожарную службу. Жильцов не было дома. Пожарные, сняв пломбу, (этот факт зафиксирован в протоколе, оформленном должным образом), достали из сейфа запасной комплект ключей, открыли входную дверь в нужную квартиру и успешно потушили локальное возгорание. Кстати, его причина так и не была установлена. После этого запасные ключи были возвращены на прежнее место, а сейф заперт и заново опечатан... В-пятых, мои сотрудники отработали – в первом приближении – личности консьержей, работающих в этом подъезде. Ничего интересного и подозрительного. Все, конечно, являются переселенцами. Но никто из них не то, чтобы под су-

дом не был, но даже ни разу не попадал в поле зрения австралийской полиции. . . . Скажу честно, что после полученной информации по видеокамерам и запасным ключам, мой интерес к здешним консьержам заметно уменьшился. Я даже решил не закреплять за ними «топтунов», мол, толковых сотрудников мало, а достойных фигурантов и без консьержей хватает. Ну, допустим, что во время прошлогоднего пожара кому-то из них, воспользовавшись общей суматохой, удалось-таки снять «слепки» с ключей от квартиры Смит-Осборнов. Но ждать после этого целых пять месяцев? Ради чего? Увы, но не стыкуется. . . .

– Согласен, – кивнул головой Роберт. – Маньяки – люди нетерпеливые и импульсивны. Они, конечно, иногда и долгосрочным планированием занимаются. То бишь, терпеливо вынашивают свои коварные и изощрённые планы. Но только тогда, когда намеченный объект находится где-то вдалеке, а не под боком. . . . У тебя, Иван, всё?

– Почти. В-шестых, мы начали наводить справки о бизнесе покойного, но времени было слишком мало. Тем не менее, установлено, что у него есть (в смысле, был), крупный «шоколадный» бизнес в Индонезии. Также мистер Смит-Осборн достаточно активно «играл» на австралийских биржах с различными ценными бумагами. Некоторые его операции, безусловно, можно отнести к разряду сомнительных и подозрительных. Но с этим надо ещё поработать. Причём, несуетливо и вдумчиво, задействуя, кха-кха, недюжинные аналити-

ческие способности...

– Обязательно задействуем, – пообещала Танго.

– Заранее спасибо, милая Мари, – льстиво улыбнулся Габов. – Завершаюсь.... В-седьмых, поговорить с мисс Джуди – дочерью покойного – не удалось: абстинентный наркотический синдром, алкогольное опьянение, классическая истерика, визги, слёзы и сопли. Потратил пару часов на бесполезные и бестолковые разговоры, а после этого отвёз загулявшую красотку в медицинскую клинику, имеющую договорные отношения с Прокуратурой штата. Пообещали привести девицу в чувство. Только чёткого времени, эскулапы хваленые, не обозначили. Может, уже и домой отпустили. С них станется.... В-восьмых, о личной жизни безвременно почившего индивидуума. Он уже три года, как являлся вдовцом, супруга умерла от внезапного сердечного приступа. Любвиц не было. Услугами проституток не пользовался. С мужчинами...м-м-м, тоже – в интимном плане – не встречался. То бишь, его сексуальная активность равнялась нулю. Воспитанием дочери практически не занимался. Бизнес, бизнес и только бизнес.... Вот, пожалуй, теперь и всё. Доклад закончил.

– Можно дополнить? – словно школьница младших классов подняла вверх правую руку Инэс. – Спасибо.... Итак, по просьбе Робби я навела пару справок. Из разговора с управляющим коммунальной компании выяснилось, что Томас Смит-Осборн купил квартиру в нашем доме в январе

1999-го года. А его друг Майкл Поспишил – в соседнем доме – на месяц позже... Это полезная информация?

– Более чем, – заверил Роберт. – Ты, любимая, молодец. А ты, старший инспектор Габов, совершенно напрасно так недоверчиво и легкомысленно усмехаешься. Слушайте, коллеги, сюда...

И он рассказал – во всех подробностях – об утреннем убийстве бывшей сотрудницы ЦРУ Эстель Трапп.

Рассказал, а после этого подытожил:

– Между смертями мистера Смит-Осборна и миссис Трапп, как легко заметить, есть несколько чётких пересечений. Первое, это бумажные японские журавлики, подброшенные на места совершённых преступлений. Второе, это начало 1999-го года. Именно в это время Эстель Трапп, уволившись в конце 1998-го года из американского ЦРУ, приобрела поместье «Голубая лагуна». А семейства Смит-Осборнов и Поспишилов купили дорогие квартиры в престижном городском районе «Круговая гавань». Совпадение? Сомневаюсь.... Третье. Три года назад случилось нечто. В результате этого «нечто» мисс Трапп выстроила вокруг своего поместья высоченный кирпичный забор с колючей проволокой по верхнему торцу и завела ирландского волкодава. А жена мистера Смит-Осборна умерла от сердечного приступа. Очевидно, что какое-то событие их всех до смерти напугало.... Надеюсь, понятно, что надо делать дальше?

– Установить, что связывало этих людей? – предположила

Инни. – И в 1998-99-ом годах? И три года тому назад?

– Совершенно верно, любимая. Ещё раз – молодец.... А ещё я серьёзно опасаясь за жизнь господина Лошадника...

– Лошадника? – удивилась Танго. – Кто это?

– Майкл Поспишил. Просто у него физиономия... м-м-м, слегка «лошадиная». Короче говоря, к нему надо незамедлительно приставить парочку надёжных сотрудников.

– Уже сделано, – похвастался Габов. – Два дельных паренька – с самого утра – неусыпно присматривают за Лошадником.

– Серьёзно? – недоверчиво хмыкнул Роберт. – А из каких, извини, соображений?

– Ну, видишь ли, Ремарк.... Я считал Майкла Поспишила главным подозреваемым. То есть, потенциальным организатором смерти Томаса Смит-Осборна. Закадычные друзья, как известно, они иногда становятся заклятыми врагами. Жизненная диалектика, как ты любишь говорить.... Опять же, это его вечернее появление возле квартиры покойного. Мол, в гости собрался заскочить. Чисто по-соседски. Подозрительно, однако.... Вот, короче говоря, я и решил взять Лошадника в разработку. Как в воду смотрел...

Раздалась незнакомая мелодичная трель.

– Это меня, – Гамов поднёс к уху мобильник. – Да, Фредди, слушаю.... Как такое может быть? Объясни.... Понял, не дурак. Срочно вызывай подкрепление. Общайте там всё.

Всё-всё-всё... Что искать? Труп, вокруг которого ненавязчиво перепархивают японские бумажные журавлики. А через полчаса обязательно перезвони мне и доложи о результатах. Всё, отбой. Конец связи...

Глава пятая

Опера, лекция и рутина

– Лошадник пропал, – отключив мобильник и виновато вздохнув, доложил Габов.

– Подробности?

– Майкл Поспишил, будучи человеком богатым, солидным и уважаемым, входит в Попечительский совет «Австралийской оперы».... Можно, я буду рассказывать более подробно? С небольшими, но доходчивыми отступлениями? Чтобы сотруднице Танго, являющейся новичком в наших краях, всё было понятно?

– Рассказывай, – махнул рукой Роберт. – Полчаса, как я понял, у нас есть. Только, действительно, с небольшими отступлениями. С крохотными. Не увлекайся. Знаю я тебя, болтуна патентованного. Клейма негде ставить.

– Я постараюсь, – заверил Иван. – Итак. Здание Сиднейской оперы является одной из «визитных карточек» нашего прекрасного города. Ещё в далёком 1955-ом году Правительство штата Новый Южный Уэльс решило, что Сиднею (да и всей Австралии в целом), прямо-таки необходим свой собственный национальный культурный центр. Мол: – «Чем мы хуже всяких там французов, англичан и американцев? Да ни чем, если положиа руку на сердце...». Вот и было принято

судьбоносное решение – срочно возвести в округе «Круговой причал», на длинном узком мысу, вдающемся в Сиднейскую бухту, многопрофильное здание насквозь культурного предназначения. Ну, для всяких там глобальных концертов, опер, балетов, оперетт, современных мюзиклов и водевилей... Объявили, как водится, расширенный международный конкурс на проектирование, раз мы «не хуже других». В нем приняли участие порядка двухсот известных и знаменитых архитекторов из многих-многих стран мира. Победу (честную победу!), в конкурсе одержал датчанин Йорн Утзон. Симпатичный такой проект, ничего не скажешь: сплошные «раковины», «ракушки» и «паруса», элегантно опирающиеся на единый фундамент. Возникает чёткая и, одновременно, ненавязчивая ассоциация с гигантским многомачтовым парусником, бросившим якоря в нашей Сиднейской бухте. Потом, уже в нерабочее время, мы с вами, милая Танго, обязательно сходим посмотреть на это архитектурное чудо. Тут совсем и недалеко – пятнадцать-семнадцать минут пешком от этого дома.... Всё, не отвлекаюсь на слюнявую лирику и продолжаю. Однако датский архитектор нечаянно сплеховал, то есть, допустил ряд серьёзных ошибок. По его предварительным расчётам получалось, что на строительство культурного комплекса уйдёт четыре года, а его стоимость составит порядка семи миллионов долларов. Не больше. Но по факту всё получилось совсем не так. Стройка продолжалась целых четырнадцать лет, а на возведение здания

было потрачено немногим более ста миллионов долларов. Досадная закавыка образовалась, короче говоря. Нонсенс, выражаясь напрямик.

– Знакомая ситуация, – состроив кислую физиономию, откликнулась Танго. – У нас, в российском Санкт-Петербурге, наблюдается аналогичная картинка – со строительством стадиона для футбольного клуба «Зенит».... Извините, не буду больше перебивать. Рассказывайте, Ваня. Рассказывайте...

– Ничего страшного, – отреагировал на «Ваню» широченной улыбкой Габов. – Как бы там не было, но здание Сиднейской оперы было, всё же, достроено, и в 1973-ем году состоялось его торжественное открытие. Яркую красную ленточку, естественно, перерезала лично английская королева Елизавета Вторая. А сейчас этот многострадальный комплекс успешно функционирует и является культурным центром всей страны. В здании имеется несколько залов. В том числе, два главных: Театр Оперы, рассчитанный на полторы тысячи зрителей, и Концертный зал, вмещающий до двух с половиной тысячи человек. Здесь «квартируют»: «Сиднейская театральная труппа», «Австралийская опера», «Сиднейская танцевальная труппа», «Сиднейский симфонический оркестр» и «Австралийский балет».

– Огромный, воистину, комплекс. Столько различных помещений, что запросто можно заблудиться, – мечтательно вздохнув, дополнила Инни. – Я работаю совсем в другом те-

атре. В маленьком таком, совсем молодом. Но несколько раз довелось – по любезному приглашению «Сиднейской театральной труппы» – выступать на одной из тамошних сцен. Впечатления – просто грандиозные. Слов не хватает...

– Кха-кха, – сердито откашлялся Роберт. – Попрошу, соратники и соратницы, держаться ближе к тематике сегодняшнего дня.

– Гав, – дежурно поддержал из своего любимого кресла-качалки Рой.

– Ближе, так ближе, – не стал спорить дисциплинированный Габов. – Итак, Майкл Поспишил является членом Попечительского совета «Австралийской оперы». На одиннадцать тридцать утра сегодняшнего дня, как раз, и было назначено рабочее заседание означенного совета. Лошадник, изредка оглядываясь по сторонам, отправился к зданию Сиднейской оперы и в одиннадцать двадцать шесть успешно прошёл внутрь. Фредди, старший «топтун», остался дежурить у главного входа, а его напарник отправился бродить (на всякий случай), между запасными, служебными и пожарными входами-выходами, которых там насчитывается порядка двух десятков.... Через некоторое время из основных дверей комплекса стали, оживлённо переговариваясь и пересмеиваясь между собой, выходить солидные люди в дорогих костюмах, но Лошадника среди них не было. Фредди, будучи юношей прозорливым, обратился к пожилому привратнику, и тот подтвердил, что это, действительно, члены Попечитель-

ского совета «Австралийской оперы» расходятся-разъезжаются по домам и офисам. Тогда старший «топтун» догнал одного из солидных господ и – под благовидным предлогом – поинтересовался мистером Поспишилом. Ответ обескуражил, мол: – «Майкл на сегодняшнем совете не присутствовал, а его мобильник не отвечает...». Фредди проверил: действительно, не отвечает. А после этого позвонил мне. Сейчас в здании Сиднейской оперы проводятся штатные оперативные мероприятия по поиску пропавшего фигуранта. Вот, такие дела...

– Ладно. Ждём, – решил Роберт. – Может, кто-нибудь хочет высказаться по поводу недавних докладов? Не появилось ли, случаем, свежих мыслей? Впечатлений? Оригинальных гипотез? Симпатичных версий?

– Есть одно смелое предположение, – задумчиво хмыкнув, сообщила Танго. – Правда, достаточно призрачное и субъективное.

– Смело излагай, соратница. Послушаем с удовольствием.

– Считаю, что в этом деле чётко прослеживается «женская рука». Многочисленные и, подчёркиваю, разноцветные бумажные журавлики – во втором случае даже аккуратно приклеенные. Для мужчины это слишком сложно и хлопотно, мол, вполне достаточно беспорядочно разбросать возле трупа и нескольких (не более двух десятков), однотонных «птичек»... Кстати, какого цвета был мобильный телефон, зажатый в ладони отрубленной руки миссис Трапп?

– Э-э-э, кажется, нежно-салатного.

– Вот-вот, типично-женский цвет.

– А ещё мистер Трапп упоминал о пожилой католической монашке, с которой дружила его покойная супруга, – напомнила Инни.

– Упоминал, – согласился Роберт. – Значит, возможно, что искомый маньяк является женщиной?

– Мне – с позиций профессионального аналитика – так видится «психологический портрет» данного преступника, – охотно пояснила Танго. – Кстати, господин старший инспектор по особому разделу, из тридцати минут, отведённых на терпеливое ожидание, у нас ещё осталось порядка пятнадцати-шестнадцати. Может, прочтёте нам краткую лекцию – о различных маньяках и их нравах-привычках? Так сказать, для дополнительного развития и пополнения интеллектуального багажа? Я, конечно, понимаю, что милая Инэс уже неоднократно выслушивала развёрнутые выступления на эту скучную тему. Но нам с инспектором Габовым, безусловно, будет интересно... Правда, Ваня?

– Без вопросов...

– Прочсть развивающую лекцию? – засомневался Роберт. – Боюсь, что за пятнадцать минут ничего путного и полезного не получится. Впрочем, попробую. Слушайте, коллеги... Многие профильные эксперты считают, что психика маньяка-убийцы начинает формироваться ещё в раннем

возрасте. А некоторые из них говорят даже о «генетической предрасположенности». Я же категорически не согласен с таким узким и костным подходом. Сильнейшие удары по психике можно получить практически в любом возрасте. А от серьёзных психических расстройств до стойких маниакальных наклонностей – всего-то один шаг.... Человек начинает мысленно обвинять во всех своих бедах и неудачах что-то или кого-то. Обвиняет, обвиняет, обвиняет. И в какой-то момент он уже ни о чём другом думать не может – только о том, чтобы уничтожить это «что-то» (или же «кого-то»), вставшее на его пути к счастью и покою. А потом, зачастую, переходит к активным действиям. Переходит и уже не может остановиться. Агрессивные действия (в том числе, и убийства), становятся единственным приоритетом и смыслом его дальнейшей жизни.... Где можно заполучить эти «сильнейшие удары по психике»? Много где, честно говоря. На войне, в тюрьме, на заброшенной полярной станции, в длительной геологической экспедиции.... А можно и в собственном доме. Например, конкретный мужчина – без ума от собственной жены. И вдруг, он неожиданно узнаёт, что супруга ему изменяет. Причём, на протяжении многих лет и, отнюдь, не с одним любовником. Серьёзный, согласитесь, удар. Хочется рвать и метать. Тут бы нашему «рогоносцу» и выплеснуть весь негатив: наброситься на неверную жену с кулаками, порвать все её нарядные платья, выбросить в колодец все драгоценности, сжечь новенькую машину, развестись, что-ни-

будь ещё.... Но коварной и бесстыжей изменщицы, как назло, нет дома. Уехала, допустим, на две недели к своей ма-тушке. Обманутый муж, усердно потребляя алкогольные напитки, начинает думать, думать, думать. А ещё фантазировать и представлять себе, находясь под алкогольными парами, всякое и разное.... В какой-то момент его психика «плывёт». Серо-жёлтые мысли начинают навязчиво стучаться в тонкую дверку нежного подсознания, мол: – «Надо, братец, обязательно отомстить. Надо. Обязательно. Но только пусть сама распутница умрёт последней, после всех своих любовников.... Всех! Вот, что важно.... Четверых я знаю. А вдруг, и другие существуют? Надо обязательно вспомнить – кому жена ещё улыбалась и с кем флиртовала. С них, пожалуй, и начнём. От малого – к большому. Потихоньку. И подзрений, кстати, будет меньше...». Так и «рождаются» классические маньяки. Раздумья, раздумья, раздумья. Накапливание (вместо сброса!), коварного негатива.... Продолжаю свои теоретические выкладки. По маниакальным пристрастиям маньяки делятся на следующие основные типы. «Властолюбцы», они стремятся к утверждению своего превосходства над беспомощной жертвой, компенсируя, тем самым, ощущения собственной неполноценности...

– Не, это не наш случай, – не утерпев, встряла Инни. – Наша маньячка (по уверениям Танго), не присутствовала при наступлении смертей своих недавних жертв. Следовательно, и «превосходства над беспомощной жертвой» ощутить не

могла... Я права, господин лектор?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.